

государь, который самъ обладаетъ большими способностями, съумѣетъ достоуважаемымъ образомъ признать и оцѣнить большія способности въ своихъ подданныхъ. Для талантовъ—открытая дверь! было, какъ знаете, поговоркой Наполеона, и онъ обладалъ совершенно особеннымъ тактомъ въ выборѣ людей; онъ умѣлъ всякую значительную силу поставить на должное мѣсто, гдѣ она оказывалась въ своей сферѣ, и у него во всѣхъ большихъ предпріятіяхъ были такіе слуги, какъ ни у кого.

Гете въ этотъ вечеръ нравился мнѣ больше, чѣмъ когда либо. Казалось, въ немъ было возбуждено все благороднѣйшее въ его природѣ; при томъ и звукъ его голоса, и огонь глазъ обнаруживали такую силу, что казалось онъ горѣлъ яркимъ пламенемъ лучшихъ дней своей молодости. Мнѣ казалось страннымъ, что онъ, занимая въ столь маститомъ возрастѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ, такъ рѣшительно говорилъ за молодость и желалъ, чтобъ первыя мѣста занимали, если не вполнѣ юноши, то люди еще молодые. Я не могъ при этомъ не вспомнить нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ нѣмецкихъ государственныхъ людей, которые обладали въ маститой старости необходимой энергіей и юношеской подвижностью для исполненія важнѣйшихъ и многообразныхъ обязанностей.

— Такіе люди и имъ подобные — геніальныя натуры, которыя не подходятъ подъ общее правило, сказалъ Гете; — они переживаютъ *вторую возмужалость*, между тѣмъ какъ прочіе бываютъ только разъ молоды. Каждая «энтелехія»¹⁾ есть часть вѣч-

¹⁾ Энтелехія слово греческое отъ ἐντελής, совершенный, и ἔχει, держать, — терминъ, заимствованный Гете у Аристотеля. Онъ означаетъ нѣчто самостоятельное, довлѣющее самому себѣ, дѣй-

ности, и, недолгое время, въ теченіе котораго она связана съ земными тѣлами, не можетъ состарить ея. Но если «энтелехія» принадлежитъ къ низшему разбору, то она, во время своего тѣлеснаго затемнѣнія¹⁾, не проявляетъ господства, скорѣе надъ нею господствуетъ тѣло; когда же оно начинаетъ старѣть, то она уже не въ силахъ ни поддержать его, ни воспрепятствовать старости. Если же «энтелехія» могущественна, какъ то бываетъ у всѣхъ гениальныхъ натуръ, то она, въ то время когда, проникая, оживляетъ тѣло, будетъ не только дѣйствовать на него укрѣпляющимъ и облагораживающимъ образомъ; но по своему духовному превосходству, станетъ придавать и ему то преимущество вѣчной юности, которымъ обладаетъ сама. Вотъ отчего зависитъ, что у особенно одаренныхъ людей даже въ старости мы наблюдаемъ эпохи особой продуктивности; у нихъ, по видимому, вновь наступаетъ пора временнаго молодѣнія, что я и называю второй возмужалостью.

«Но молодость все таки молодость, и, какъ бы ни была могущественна «энтелехія», она никогда не станетъ полнымъ властелиномъ тѣла, и великая разница, оказывается ли оно ея союзникомъ, или противникомъ.

«Было время, когда я могъ написать въ день печатный листъ, и мнѣ это было не тяжело. *Братъ и сестра* я написалъ въ три дня, *Клавію*, какъ вы знаете, въ недѣлю. Теперь мнѣ ни о чемъ подобномъ и думать нельзя, хотя я и въ маститой старости не могу жаловаться на недостатокъ произ-

ствительно существующее, неразрушимое и вѣчное. Имъ Гете обозначалъ безсмертную часть нашей нравственной природы.

¹⁾ То есть во время земной жизни, въ то время, какъ—ниже выражается Гете,—«она, проникая, оживляетъ тѣло».

водительности. Но то, что въ юности мнѣ удавалось ежедневно и при всякихъ обстоятельствахъ, то теперь удастся только періодически и при особо благоприятныхъ случайностяхъ. Десять, двѣнадцать лѣтъ назадъ, въ счастливое время послѣ войны за освобожденіе, когда мною овладѣлъ *Диванъ*, я былъ достаточно производителемъ и часто писалъ въ день по два, по три стихотворенія, и мнѣ было все равно, гдѣ ни работать: въ полѣ, каретѣ или въ гостиницѣ. Теперь же, за второй частью *Фауста*, я могу работать только раннимъ утромъ, когда чувствую себя крѣпкимъ послѣ сна, и пока уродства обиходной жизни не собьютъ меня съ пути. И много ли, въ сущности, я напишу! Въ самомъ счастливомъ случаѣ—страницу, обыкновенно же столько, что написанное можно закрыть ладонью, а при дурномъ настроеніи — еще меньше.

— Нѣтъ ли вообще, спросилъ я,—средства возбуждать въ себѣ продуктивное настроеніе, или по крайней мѣрѣ усилить его?

— Всякая высшаго разбора производительность, всякій значительный выводъ, открытіе, всякая великая мысль, которая можетъ принести плодъ и имѣть послѣдствія, не зависима отъ чьей либо власти и внѣ всякой земной мощи. Человѣкъ долженъ принимать ихъ, какъ нежданный даръ свыше, какъ прямыхъ дѣтей Божіихъ, которыхъ ему слѣдуетъ встрѣчать и почитать съ чувствомъ радостной благодарности. Это близко къ демоническому, которое властно распоряжаться человѣкомъ; онъ безсознательно отдается ему, думая, что поступаетъ по собственному влеченію. Въ подобныхъ случаяхъ на человѣка надо часто смотрѣть, какъ на орудіе высшаго міроправительства, какъ на сосудъ, признанный достой-

нымъ для воспріятія божественнаго изліянія. Я говорю это, принимая въ соображеніе, какъ часто одна мысль измѣняетъ образъ цѣлаго столѣтія, и какъ отдѣльные люди чрезъ то, что изъ нихъ исходитъ, не только придаютъ отпечатокъ своему времени, но оставляютъ слѣдъ и благодѣтельно дѣйствуютъ въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Но есть производительность другого рода, которая болѣе подчинена земнымъ вліяніямъ и болѣе зависитъ отъ воли человѣка, хотя и при ней человѣкъ еще усматриваетъ причину склониться предъ чѣмъ-то Божественнымъ. Къ этой области я причисляю все относящееся къ исполненію даннаго плана, всѣ промежуточные члены въ цѣпи мыслей, конечныя точки которой почти ясны; сюда причисляю я также все, что придаетъ произведенію искусства видимое обличье и тѣло. Такъ, Шекспиръ могъ смотрѣть на первую мысль своего *Гамлета*,—когда передъ его душой, какъ неожиданное впечатлѣніе, встала идея цѣлаго произведенія и онъ въ возвышенномъ настроеніи предусматривалъ отдѣльныя положенія, характеры и развязку цѣлаго—какъ на чистый даръ свыше, на который онъ не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія, хотя возможность подобнаго замысла и обусловливалась такимъ духомъ, какъ у него. Дальнѣйшее же развитіе отдѣльныхъ сценъ и перемежающіяся рѣчи лицъ вполне зависѣли отъ его воли, и онъ могъ трудиться по днямъ и часамъ надъ ними и по недѣлямъ перерабатывать ихъ, какъ ему угодно. И притомъ, во всемъ, что онъ написалъ, мы видимъ одинаковую силу производительности, и нигдѣ, во всѣхъ его піесахъ, нѣтъ ни одного мѣста, о которомъ можно было бы сказать, что оно написано не въ должномъ тонѣ или безъ

полной мощи. Читая его, мы получаемъ впечатлѣніе, что онъ былъ всегда и вполнѣ и душевно, и тѣлесно здоровый человѣкъ. Предположимъ, что у драматическаго поэта тѣлесное сложеніе некрѣпко и несовершенно, и что онъ часто подверженъ болѣзни и слабости; въ такомъ случаѣ, при исполненіи отдѣльныхъ сценъ, у него часто будетъ недовольство производительности, а порой она и вовсе будетъ отсутствовать. Если онъ вздумаетъ усилить недостатокъ производительности спиртными напитками и тѣмъ восполнить недостатокъ, то работа, пожалуй, и пойдетъ впередъ, но это станетъ замѣтно, къ ихъ невыгодѣ, на всѣхъ сценахъ, которыя онъ такимъ образомъ *форсировалъ*. Поэтому я совѣтую ничего не форсировать; лучше всѣ непродуктивные дни и часы тратить на пустяки или просыпать ихъ, чѣмъ стараться что нибудь сдѣлать, что не доставитъ впослѣдствіи никакого удовольствія¹⁾.

— Вы высказываете то, что я самъ часто испытывалъ, сказалъ я,—и что слѣдуетъ признать вполнѣ правымъ и справедливымъ. Но мнѣ кажется, будто можно, при помощи естественныхъ средствъ, усилить продуктивное настроеніе, не прибѣгая къ форсировкѣ. Мнѣ часто случалось въ жизни, что, при извѣстныхъ усложненныхъ обстоятельствахъ, я не

¹⁾ Последнее замѣчаніе не мѣшало бы принять въ соображеніе тѣмъ поклонникамъ новѣйшихъ французскихъ знаменитостей, которые восхищаются въ предметахъ своего обожанія болѣе всего тому, что они работаютъ каждый день извѣстное число часовъ и успѣваютъ написать извѣстное число страницъ. Такое прилежаніе, конечно, похвально съ точки зрѣнія задѣльной платы, но видѣть въ немъ примѣръ художественнаго трудолюбія по меньшей мѣрѣ опрометчиво.

могъ придти ни къ какому рѣшенію. Но стоило мнѣ выпить стаканъ вина, и мнѣ тотчасъ же становилось ясно, что я долженъ дѣлать, и я мигомъ рѣшился. А принятіе рѣшенія также своего рода производительность, и, если нѣсколько стакановъ вина обладаютъ такой способностью, то не слѣдуетъ вполне отвергать этого средства.

— Я не стану оспаривать вашего замѣчанія; но что я говорилъ раньше, также справедливо; изъ чего можно заключить, что правду удобно сравнить съ алмазомъ, отъ котораго лучи расходятся не въ одну, но во многія стороны. Впрочемъ, вы отлично знаете мой *Диванъ*, и помните, что я самъ сказалъ:

Какъ выпьешь, и правду узнаешь¹⁾,

и что, стало быть, я вполне схожусь съ вами. Впрочемъ, въ винѣ заключаются весьма значительныя продуктивныя силы; но тутъ все зависитъ отъ состоянія духа и времени, и, что полезно одному, то вредитъ другому. Далѣе, производительныя силы заключаются также въ спокойствіи и снѣ; но они заключаются и въ движеніи. Такія силы имѣются также въ водѣ, и особенно въ воздухѣ. Свѣжій воздухъ въ чистомъ полѣ—вотъ гдѣ мы становимся особенно чуткими; тамъ кажется, будто духъ Божій непосредственно вѣетъ на человѣка и Божественная сила обнаруживаетъ свое дѣйствіе. Лордъ Байронъ ежедневно по цѣлымъ часамъ жилъ на волнѣмъ воздухѣ, то разлѣзая верхомъ по морскому берегу, то идя въ лодкѣ на веслахъ, или

¹⁾ Гете и въ другихъ сочиненіяхъ высказывалъ подобныя мысли, напримѣръ: «Вино придаетъ живость даровитому уму. Безъ огня, оймѣмъ не распространяетъ запаха; чтобъ услышать его благоуханіе, надо поджечь его на горячихъ угляхъ».

подъ парусами, то купаясь въ морѣ и укрѣпляя свою тѣлесную силу при помощи плаванія,—и онъ былъ одинъ изъ самыхъ производительныхъ людей, какіе когда-либо жили.

Гете сѣлъ противъ меня, и мы еще поговорили о разныхъ вещахъ. Затѣмъ, мы снова возвратились къ лорду Байрону, и вспоминали различные несчастные случаи, омрачавшіе послѣдніе годы его жизни, пока наконецъ благородное желаніе, хотя и неблагопріятная судьба не привели его въ Грецію, гдѣ онъ и погибъ.

— Вообщѣ, сказалъ Гете, — вы сами увидите, что въ срединѣ жизни человѣка часто бываетъ поворотъ; въ юности ему все благопріятствовало, все было ему на счастье, и вдругъ все перемѣняется, и неудачи и несчастія такъ и обрушиваются на него другъ за другомъ. Знаете ли, что я объ этомъ думаю?—Требуется разрушить этого человѣка! Всякій необыкновенный человѣкъ имѣетъ извѣстное призваніе, и онъ призванъ его выполнить. Исполнивъ его, онъ уже становится не нуженъ на землѣ въ этомъ образѣ, и Провидѣніе употребитъ его на что-нибудь иное. Но здѣсь все совершается естественнымъ путемъ, а потому демоны подставляютъ ему подъ ноги палку за палкой, пока онъ не погибнетъ. Такъ случилось съ Наполеономъ и многими другими: Моцартъ умеръ на тридцать шестомъ году, Рафаэль въ томъ же возрастѣ, Байронъ немного старше. Но они вполнѣ исполнили свое призваніе, и было время имъ отойти, дабы дать и другимъ кое-что сдѣлать въ этомъ мірѣ, разсчитанномъ на долгій срокъ¹⁾.

¹⁾ Невольно вспоминается судьба Пушкина.

Было уже поздно, Гете протянул мнѣ свою милую руку, и я ушелъ.

Среда, 12-го марта 1828.

Съ тѣхъ поръ, какъ я вчера простился съ Гете, вышеприведенный важный разговоръ не выходилъ у меня изъ головы. Между прочимъ, рѣчь шла о силахъ моря и морского воздуха, причемъ Гете выразилъ мнѣніе, что всѣ островитяне и прибрежные жители умѣренныхъ климатовъ вообще производительнѣе и энергичнѣе народовъ внутреннихъ странъ большихъ материковъ. Я заснулъ съ этой мыслью и съ извѣстной тоской по живительнымъ силамъ моря, и видѣлъ во снѣ слѣдующій пріятный и весьма странный сонъ.

Я видѣлъ, что живу весело и счастливо въ неизвѣстной мѣстности, посреди чуждыхъ людей. Былъ превосходный лѣтній день, природа вокругъ великолѣпная, въ родѣ того какъ бываетъ на берегахъ Средиземнаго моря, въ южной Испаніи, или Франціи, или около Генуи. Мы весело отобѣдали, и затѣмъ я пошелъ съ другими, молодыми еще людьми, прогуляться. Мы тихо шли по красивой, поросшей кустами долинтѣ, какъ вдругъ очутились посреди моря, на маленькомъ островкѣ; на выдающейся скалѣ, гдѣ могло всего умѣститься пять, шесть человекъ, и гдѣ нельзя было пошевелиться безъ опасности свалиться въ море. Впереди, на четверть часа расстоянія, виднѣлся прелестнѣйшій берегъ; онъ былъ мѣстами плоскій, мѣстами скалистый; между зелеными бесѣдками и бѣлыми палатками виднѣлась веселая толпа въ яркихъ цвѣтныхъ платьяхъ; изъ палатокъ раздавалась музыка. «Больше дѣлать нечего», стали говорить мои товарищи другъ другу;

«надо раздѣться и переплыть туда». — «Вамъ хорошо говорить», сказалъ я, «вы молоды и красивы, и вдобавокъ хорошіе пловцы. Я же и плохо плаваю, и фигура у меня не такая, чтобъ я могъ охотно и съ удовольствіемъ показаться людямъ на берегу.» — «Ты глупъ», возразилъ одинъ изъ красивѣйшихъ товарищей, «раздѣнься и дай мнѣ свое тѣло, а мое возьми себѣ». Я быстро раздѣлся и бросился въ воду, и почувствовалъ себя, въ чужомъ тѣлѣ, сильнымъ пловцомъ. Я вскорѣ доплылъ до берега, и съ веселой увѣренностью явился нагимъ и мокрымъ между незнакомцами. Я былъ счастливъ, чувствуя, что у меня такое красивое тѣло; я вель себя не принужденно, и скоро присоединился къ незнакомцамъ, весело сидѣвшимъ за столомъ въ бесѣдкѣ. Мои товарищи одинъ за другимъ выходили на берегъ и присоединялись къ намъ; не доставало только юноши, въ тѣлѣ котораго мнѣ было такъ хорошо. Наконецъ, и онъ подплылъ къ берегу, и спросилъ меня, не желаю-ли я поглядѣть на свое прежнее я. Мнѣ эти слова были непріятны; отчасти потому, что я не надѣялся, чтобъ мой собственный образъ доставилъ мнѣ удовольствіе, отчасти потому, что я боялся, чтобъ товарищъ не потребовалъ своего тѣла обратно. Однако я оглянулся, и увидѣлъ, что мое второе я уже подплывало близко; онъ повернулъ голову въ мою сторону и смѣясь закричалъ мнѣ: «въ твоемъ тѣлѣ мало силы для плаванья, и мнѣ пришлось порядочно побороться съ волнами и рифами, а потому не удивительно, что я плылъ такъ долго и добрался послѣднимъ». Я тотчасъ узналъ свое лицо, но оно помолодѣло, стало полнѣе и шире, и цвѣтъ у него сталъ свѣжѣе. Онъ вышелъ на берегъ, и когда, выпрямясь, ступилъ на

песокъ, то, взглянувъ, я съ удовольствіемъ полюбился на него. Онъ подошелъ къ намъ, и, когда проходилъ мимо меня, то я замѣтилъ, что онъ такого же роста, какимъ я сталъ въ его тѣлѣ. «Что бъ это значило», подумалъ я про себя «что твое тѣло такъ выросло? Или на него такъ чудесно подѣйствовали силы моря, или это оттого, что юношескій дѣхъ твоего товарища проникъ все тѣло? «Я удивлялся, что мой товарищъ не выражаетъ никакого желанія обмѣняться со мною тѣломъ. Правда, думалъ я, у него теперь стройный видъ, и ему въ сущности должно быть все равно; но мнѣ не все равно, потому что я не увѣренъ, не сожмусь ли я опять, очутясь въ прежнемъ тѣлѣ, и не стану ли опять такимъ маленькимъ, какъ былъ. Потому я отвелъ товарища въ сторону, и спросилъ его, какъ онъ чувствуетъ себя въ моемъ тѣлѣ. «Превосходно», сказалъ онъ, «я чувствую прежнюю свою сущность и силу. Я право не знаю, что ты имѣешь противъ своего тѣла; оно пришлось какъ разъ по мнѣ; видишь, надо только сдѣлать надъ собою усиліе. Оставайся въ моемъ тѣлѣ сколько угодно, потому что я радъ пробыть въ твоёмъ все время». Я очень обрадовался, услышавъ это; въ то же время я вполнѣ ощущалъ въ себѣ прежнія чувства, мысли и воспоминанія, и мнѣ тутъ-же во снѣ пришло въ голову, что душа наша вполнѣ независима и что возможно будущее существованіе въ иной жизни. Я разсказалъ про сонъ нынче послѣ обѣда Гете.

— Прекрасный сонъ, сказалъ Гете.—Видно, музы посѣщаютъ васъ и во снѣ, и даже особенно благосклонно; вѣдь вы должны же сознаться, что вамъ въ бодрственномъ состояніи было бы трудно придумать нѣчто столь оригинальное и красивое.

— Я не понимаю, какъ это случилось; весь день я чувствовалъ себя въ такомъ удрученномъ состоянїи, и картина такой свѣжей жизни.....

— Въ человѣческой природѣ есть странныя силы, сказалъ Гете,—и часто намъ готовится что нибудь хорошее именно тогда, когда мы меньше всего надѣемся. Въ моей жизни были времена, когда я засыпалъ со слезами; но во снѣ я видѣлъ прелестные образы, которые являлись утѣшать меня и дарили мнѣ счастье, и на слѣдующее утро я вставалъ бодрѣе и свѣжѣе. Всѣмъ намъ, старымъ европейцамъ, впрочемъ, живется болѣе или менѣе скверно; наши отношенія слишкомъ искусственны и сложны, образъ нашей жизни и питаніе мало согласны съ природой, а въ общественныхъ сношеніяхъ нѣтъ ни любви, ни благожелательства. Всѣ вѣжливы и тонкаго обращенія люди, но ни у кого не хватаетъ смѣлости быть сердечнымъ и правдивымъ, и прямому человѣку, съ естественными склонностями и образомъ мыслей, приходится быть въ отмѣнно скверномъ положеніи. Просто, часто приходится желать родиться дикаремъ на какомъ нибудь южномъ островѣ, чтобъ хоть разъ насладиться чисто человѣческимъ существованіемъ, безо всякой фальшивой примѣси. Если, въ дурномъ расположеніи духа, станешь глубоко разсуждать о негодности нашего времени, то приходишь къ заключенію, что міръ мало по малу созрѣлъ для страшнаго суда. И зло все скопляется отъ поколѣнія къ поколѣнію! Мало того, что мы страдаемъ за грѣхи отцовъ нашихъ, но мы передаемъ своимъ потомкамъ унаслѣдованные пороки, приумноживъ ихъ.

— Мнѣ часто приходятъ въ голову такія мысли, замѣтилъ я;—но, если предо мной пройдетъ полкъ

нѣмецкихъ драгунъ, то я, залюбовавшись на красоту и силу молодыхъ людей, почерпаю въ нихъ нѣкоторое утѣшеніе и говорю себѣ, что въ продолжительности человѣческаго рода еще рано отчаяваться.

— Наши крестьяне, правда, сохранили еще много силы, и можно надѣяться, что они долго еще будутъ въ состояніи не только поставлять бравыхъ кавалеристовъ, но и сохранять насъ отъ окончательнаго паденія и порчи. На нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на депо, которое будетъ исцѣлять и освѣжать силы слабѣющаго человѣчества. Но взгляните на наши большіе города, и вамъ придутъ въ голову иныя мысли. Но совершите обходъ въ компаніи со вторымъ хромымъ чортомъ, или съ докторомъ съ обширной практикой, и они вамъ на ушко расскажутъ такія исторіи, что вы придете въ ужасъ, узнавъ какими болѣзнями и пороками страдаетъ человѣчество и общество. Но оставимъ мрачныя мысли. Какъ вы поживаете? Чтò подѣлываете? Чтò вы сегодня читали? Расскажите-ка, и возбудите во мнѣ добрыя мысли.

— Я прочелъ у Стерна, какъ Йорикъ бродилъ по улицамъ Парижа и сдѣлалъ замѣчаніе, что одинъ изъ десяти—карликъ. Я вспомнилъ объ этомъ сейчасъ, когда вы говорили о бѣдствіяхъ большихъ городовъ. Я вспомнилъ также, какъ въ наполеоновское время видѣлъ цѣлый пѣхотный французскій батальонъ, гдѣ все были парижане, и такой все тщедушный и маленькій народъ, что трудно было себѣ представить, на чтò они могутъ понадобиться на войнѣ.

— Шотландскіе горцы герцога Веллингтона, конечно, были совсѣмъ иного рода люди! сказалъ

Гете. — Я видѣлъ ихъ въ Брюсселѣ, за годъ до Ватерлоо. Въ самомъ дѣлѣ, что за красивый народъ! Сильный, свѣжій, расторопный; точно прямо вышли изъ рукъ Создателя. Они такъ свободно и весело держали голову, и такъ легко маршировали своими обнаженными ногами, какъ будто не знали никакихъ наслѣдственныхъ грѣховъ и болѣзней отцовъ.

— Странная вещь, продолжалъ Гете, — зависить ли она отъ породы, или отъ почвы, отъ свободной конституціи или отъ здороваго воспитанія, — но англичане, вообще, по виду чѣмъ-то превосходятъ другихъ. Здѣсь, въ Веймарѣ, мы видимъ ихъ въ небольшомъ количествѣ и вѣроятно отнюдь не лучшихъ, а что за способный и красивый народъ! Они пріѣзжаютъ сюда молодыми, лѣтъ семнадцати, а вовсе не чувствуютъ себя на нѣмецкой чужбинѣ иностранцами и затерянными; скорѣй напротивъ, ихъ вступленіе въ общество и ихъ обращеніе до того исполнено увѣренности, до того спокойно, точно они вездѣ чувствуютъ себя господами и весь свѣтъ принадлежитъ имъ. Это-то и нравится нашимъ женщинамъ; потому-то они и дѣлаютъ такія опустошенія въ сердцахъ нашихъ молоденькихъ дамочекъ. Въ качествѣ нѣмецкаго отца семейства, которому дорого спокойствіе своихъ, я всегда ощущаю нѣкоторое безпокойство, когда моя невѣстка извѣщаетъ меня объ ожидаемомъ въ скоромъ времени прибытіи новаго юнаго островитянина. Я уже вижу въ воображеніи слезы, которыя польются при его отъѣздѣ. Опасная молодежь; но, говоря правду, въ томъ-то ихъ и достоинство, что они опасны.

— Я однако не скажу, замѣтилъ я, — чтобъ наши веймарскіе молодые англичане были способнѣе,

умнѣе, образованнѣе и съ лучшимъ сердцемъ, чѣмъ другіе люди.

— Не въ этомъ суть, мой милѣйшій, возразилъ Гете.—Суть также не въ знатномъ происхожденіи и богатствѣ; суть въ томъ, что у нихъ есть смѣлость быть тѣмъ, чѣмъ ихъ создала природа. Въ нихъ нѣтъ ничего изломаннаго и искривленнаго, нѣтъ ничего половинчатаго и уродливаго; каковы бы они ни были, они вполне цѣльные люди. Въ томъ числѣ и цѣльные дураки, я сознаюсь въ томъ ото всего сердца; однако, это кое-что стоитъ и кое-что вѣситъ на вѣсахъ природы. Еще дѣтьми имъ идетъ въ прокъ чувство личной свободы, сознание, что они англичане, сознание своего значенія между другими народами; далѣе, съ ними обращаются съ большимъ уваженіемъ и въ семьяхъ, и въ учебныхъ заведеніяхъ, и они пользуются болѣе свободнымъ и счастливымъ развитіемъ, чѣмъ мы, нѣмцы. Минѣ, въ нашемъ миломъ Веймарѣ, стоитъ только подойти къ окну, чтобъ увидѣть, какъ у насъ обстоитъ дѣло. Когда выпалъ снѣгъ и сосѣдскія дѣти вздумали попробовать на улицѣ свои санки, сейчасъ явился полицейскій, и бѣдные мальчики пустились бѣжать со всѣхъ ногъ. Дальше, какъ станетъ манить ихъ весеннее солнце изъ домовъ и они станутъ играть у подъѣздовъ другъ съ дружкой, то они чѣмъ-то стѣснены, точно не увѣрены и боятся, что вотъ прійдетъ сейчасъ представитель полицейской власти. Мальчишка не смѣетъ ни шелкнуть бичомъ, ни запѣть, ни крикнуть: сейчасъ явится полиція и запретить. И все у насъ идетъ къ тому, чтобъ рановременно смирять милую юность, чтобъ изгнать всякую оригинальность и своевольство, и въ концѣ концовъ остается одинъ филистеръ. Вы знаете, что

дня почти не проходитъ, чтобъ я не видѣлъ проѣзжаго путешественника. Но, еслибъ я сказалъ, что мнѣ эти посѣщенія, особенно молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ, пріѣзжающихъ съ сѣверо-востока, доставляютъ удовольствіе, то я бы солгалъ. Близорукіе, блѣдные, со впалой грудью, молодые безъ молодости,—вотъ портретъ большинства представляющихся мнѣ. Пустившись съ ними въ разговоры, я тотчасъ же замѣчаю, что то, что насъ радуетъ, кажется имъ ничтожнымъ и тривіальнымъ; что они вполне погружены въ идею и привыкли интересоваться только высшими задачами умозрѣнія. У нихъ нѣтъ и слѣда свѣжаго чувства; ихъ не радуетъ то, что дѣйствуетъ на внѣшнія чувства; всякое юношеское чувство, всякое юношеское веселье въ нихъ истреблены, и безвозвратно; а кто не молодъ въ двадцать лѣтъ, чѣмъ тотъ станетъ въ сорокъ?

Гете вздохнулъ и замолчалъ. Я подумалъ о счастливомъ времени прошлаго столѣтія, когда Гете былъ молодъ; мнѣ вспомнилось лѣтнее веселье въ Зезенгеймѣ и стихи:

Пообѣдавъ, въ холодкѣ
Молодежь сидѣла.

— Ахъ, сказалъ Гете, — право то было славное время! Только изгонимъ его изъ памяти, не то сѣрые и туманные дни нынѣшняго времени станутъ для насъ вполне невыносимы.

— Нуженъ второй Спаситель, сказалъ я, — чтобъ избавить насъ отъ важности, скуки и невѣроятной тягости нынѣшняго времени.

— Еслибъ онъ и явился вторично, его бы вторично распяли, сказалъ Гете. — Такого великаго намъ, впрочемъ, и не надо. Еслибъ намъ, нѣмцамъ, по

примѣру англичанъ, поменьше философіи и побольше энергіи, поменьше теоріи и побольше практики, то вотъ мы уже и спаслись бы на половину, и не потребовалось бы явленія такой высокой личности, какъ второй Христосъ. Многое могло бы прійти къ намъ снизу, отъ народа, при помощи школъ и домашняго воспитанія, и много сверху, при посредствѣ государей и близкихъ имъ людей. Такъ, на примѣръ, я не могу похвалить, что отъ учащихся, будущихъ слугъ государства, требуется слишкомъ много теоретически ученыхъ свѣдѣній, отчего молодые люди преждевременно разрушаются, какъ умственно, такъ и тѣлесно. Поступая затѣмъ на практическую службу, они, правда, обладаютъ невѣроятнымъ запасомъ философскихъ и ученыхъ знаній, но въ тѣсномъ кругу своихъ занятій имъ некуда ихъ приложить, а потому приходится забыть ихъ, какъ ненужныя. Того же, что имъ нужно, они вовсе лишены: у нихъ нѣтъ ни умственной, ни тѣлесной энергіи, которая вполнѣ необходима для дѣловитаго прохожденія практической карьеры. И притомъ, развѣ въ жизни слуги государства, при сношеніяхъ съ людьми, не нужны любовь и благожелательство? А какимъ образомъ человекъ можетъ быть благожелателенъ къ другому, когда ему и самому не по себѣ? А отъ этого приходится плохо всѣмъ. Третья часть прикованныхъ къ письменному столу ученыхъ и чиновниковъ разбиты тѣлесно, и ими владѣтъ демонъ ипохондріи. Тутъ слѣдовало бы оказать воздѣйствіе свыше, чтобъ по крайней мѣрѣ предохранить будущія поколѣнія отъ подобной порчи. Но, смѣясь добавилъ Гете,— станемъ ждать и надѣяться, чѣмъ то мы, нѣмцы, станемъ черезъ столѣтіе; авось либо мы тогда не

будемъ ужъ абстрактными учеными и философами, а станемъ людьми.

* Пятница, 16-го мая 1828.

Бздилъ съ Гете кататься. Онъ забавлялся воспоминаніями о своихъ раздорахъ съ Котцебу и товарищи, и продекламировалъ нѣсколько очень веселыхъ эпиграммъ противъ перваго, эпиграммъ болѣе шутливыхъ, чѣмъ оскорбительныхъ. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ не помѣстилъ ихъ въ собраніе своихъ сочиненій. «У меня цѣлое собраніе такихъ стихотвореній», отвѣчалъ онъ, «но я держу ихъ въ тайнѣ и показываю ихъ только самымъ близкимъ друзьямъ. То было единственное невинное оружіе, которымъ я пользовался противъ нападокъ моихъ враговъ. Я такимъ образомъ успокоивался, и освобождался, и очищался отъ рокового чувства зложелательства, которое ощущалъ и питалъ противъ открытыхъ и часто злыхъ выходокъ моихъ противниковъ. Этими стихотвореніями, такимъ образомъ, я лично себѣ оказывалъ существенную услугу. Но я не желалъ занимать публику моими личными дѣлами, или оскорблять еще живыхъ лицъ. Со временемъ, можно напечатать ту, или иную эпигramму безо всякаго колебанія».

* Пятница, 6-го іюня 1828.

Баварскій король прислалъ нѣсколько времени тому назадъ своего придворнаго живописца, Штилера, чтобъ снять портретъ съ Гете. Въмѣсто рекомендательнаго письма и свидѣтельства о своемъ искусствѣ, Штилеръ привезъ оконченный, въ натуральную величину, портретъ очень красивой женщины, именно мюнхенской актрисы, дѣвицы фонъ-

Гагнъ. Гете, въ виду этого, согласился на всѣ условія сеансовъ, и портретъ его оконченъ нѣсколько дней тому назадъ.

Сегодня я обѣдалъ у него, и притомъ одинъ. За десертомъ онъ всталъ, повелъ меня въ сосѣдній со столовой кабинетъ и показалъ только что оконченную работу Штилера. Затѣмъ, онъ весьма таинственно повелъ меня дальше въ такъ называемую майоликовую комнату, гдѣ стоялъ портретъ красивой актрисы. «Не правда ли», сказалъ онъ, когда мы осмотрѣли портретъ, «ее стоило рисовать! Штилеръ вовсе не дуракъ. Онъ мнѣ привезъ этотъ хорошенькій кусочекъ въ видѣ приманки, и, когда такимъ образомъ заставилъ меня позировать, то польстилъ моей надеждѣ, что подъ его кистью и голова старика обратится въ ангельскую головку».

Воскресенье, 15-го іюня 1828.

Мы только сѣли за столъ, какъ доложили что пришелъ г. Зейдель съ тирольцами ¹⁾. Пѣвцовъ помѣстили въ саду, въ павильонѣ, откуда ихъ было хорошо видно чрезъ открытыя двери; ихъ пѣнье лучше слушать издали. Г. Зейдель сѣлъ съ нами за столъ. Намъ, молодымъ людямъ, очень понравились пѣсни веселыхъ тирольцевъ; m-lle Ульрикѣ и мнѣ особенно понравились *Вѣнокъ* и *Ты, ты покоишься на сердцѣ моемъ*, и мы попросили сказать намъ слова. Гете отнюдь не былъ въ такомъ восторгѣ, какъ мы. «Вкусны ли ягоды и вишни, знаютъ воробьи да ребята» ²⁾, сказалъ онъ. Въ промежутокъ между пѣснями, тирольцы играли различныя народныя пѣсни

¹⁾ Актеръ веймарскаго театра.

²⁾ Пословица.

на особаго рода цитръ, съ акомпаниментомъ флейтра-верса.

Молодого Гете вызвали изъ-за стола; онъ вышелъ и вскорѣ воротился. Затѣмъ онъ пошелъ къ тирольцамъ, отпустилъ ихъ, и опять сѣлъ за столъ. Мы говорили объ *Оберонѣ*, о томъ, что въ Веймарѣ наѣхало много народу, чтобъ видѣть эту оперу, такъ что въ полдень уже не было билетовъ. Молодой Гете поднялся изъ-за стола. «Любезный батюшка, не позволите ли встать», сказалъ онъ, «господа и дамы, можетъ быть, желаютъ пораньше отправиться въ театръ». Гете немного смутился, потому что не было еще четырехъ, но однако подчинился желанію сына и всталъ; мы разошлись по комнатамъ. Г. Зейдель подошелъ ко мнѣ и нѣкоторымъ другимъ, и съ измѣнившимся лицомъ, тихо сказалъ: «Напрасно вы радуетесь, что идете въ театръ: представленія не будетъ; *великій герцогъ скончался!* Онъ умеръ по дорогѣ изъ Берлина сюда». Мы всѣ были поражены. Вошелъ Гете, мы притворились, будто ничего не случилось, и заговорили о пустякахъ. «Вы сегодня пойдете въ мою ложу», сказалъ онъ, «до шести вы свободны; пойдите ко мнѣ, и поболтаемъ немного». Молодой Гете старался удалить общество, чтобъ передать новость отцу, прежде чѣмъ вернется канцлеръ, сообщившій ему эту вѣсть. Гете не могъ понять торопливости и напряженнаго состоянія сына, и сердился. «Развѣ вы не выпьете кофе?» сказалъ онъ, «вѣдь только четыре часа». Между тѣмъ всѣ уже ушли, и я взялся за шляпу. «Какъ, и вы уходите?» съ удивленіемъ поглядѣвъ на меня, спросилъ Гете. — Да, сказалъ молодой Гете, у него еще есть дѣло передъ спектаклемъ. — «Да, у меня есть дѣло», ска-

заль я. «Такъ идите», сказалъ Гете, въ раздумьи покачивая головою, «но я васъ не понимаю». Мы поднялись съ m-lle Ульрикой въ верхнія комнаты; молодой Гете внизу остался съ отцомъ, чтобъ сообщить ему печальную новость.

Я увидѣлъ Гете уже поздно вечеромъ. Подходя къ комнатѣ, я услышалъ что онъ вздыхаетъ и громко что-то говорить самъ съ собою. Казалось, онъ чувствовалъ, что въ его жизни образовался ничѣмъ неполнимый пробѣлъ. Онъ отвергалъ всѣ утѣшенія, и не хотѣлъ о нихъ и слышать. «Я думалъ, что отойду раньше его»; сказалъ онъ, «но Господь устроилъ, какъ ему за благо показалось, и намъ, бѣднымъ смертнымъ, ничего не остается, какъ терпѣть и жить настолько хорошо и долго, какъ придется».

Великая герцогиня получила печальное извѣстіе въ своей лѣтней резиденціи, въ Вильгемсталѣ; молодой дворъ былъ въ Россіи. Гете вскорѣ уѣхалъ въ Дорнбургъ, чтобъ избавиться отъ ежедневныхъ тягостныхъ впечатлѣній и оправиться при помощи дѣятельности въ новой обстановкѣ. Вслѣдствіе значительнаго, близко его касавшагося, литературнаго возбужденія во Франціи, онъ вновь занялся развитіемъ растений¹⁾; въ этомъ отношеніи ему было очень удобно пожить въ деревнѣ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчалась роскошная растительность, вьющіяся виноградныя лозы и цвѣты. Я былъ тамъ у него нѣсколько разъ, въ сопровожденіи его не-

¹⁾ Гете еще въ предыдущемъ году задумалъ вмѣстѣ съ Сорэ перевести на французскій языкъ *Метаморфозы Растеній*, и сдѣлать къ нимъ добавленія. Между прочимъ, для этой цѣли, онъ незадолго до кончины великаго герцога началъ изучать новое сочиненіе Декандоля *Organographie végétale*.

вѣстки и внука. Онъ, казалось, былъ вполне счастливъ и не устывая хвалилъ свое помѣщеніе и великолѣпное мѣстоположеніе замка и садовъ. И въ самомъ дѣлѣ, на такой высотѣ изъ оконъ открывался восхитительный видъ. Внизу оживленная долина и Зааль извивается по лугамъ; насупротивъ, на востокъ, лѣсистые холмы, а за ними взоръ теряется вдаль; отсюда было хорошо наблюдать днемъ мимоидущія, теряющіяся вдаль дождевыя тучи, а ночью — восточныя созвѣздія и восходъ солнца.

— Я провожу здѣсь славные дни и ночи, сказалъ Гете. — Часто я просыпаюсь до разсвѣта, сижу у открытаго окна, и люблюсь великолѣпнымъ зрѣлищемъ трехъ планетъ, которыя теперь на горизонтѣ; меня освѣжаетъ видъ утренней зари. Почти весь день я провожу на свѣжемъ воздухѣ; у меня заводится умственная бесѣда съ виноградной лозой, которая нащептываетъ мнѣ хорошія мысли, и я могъ бы разсказать о ней удивительныя вещи. Я пишу также недурные стихи ²⁾, и желалъ-бы всюду жить такъ, какъ здѣсь.

Четвергъ, 11-го сентября 1828.

Сегодня, при прекрасной погодѣ, Гете воротился въ два часа изъ Дорнбурга. Онъ глядѣлъ бодро и сильно загорѣлъ. Мы вскорѣ сѣли за столъ, и именно въ комнатѣ, которая прямо выходитъ въ садъ; двери были отворены. Онъ разсказывалъ о томъ, что его многіе навѣщали, о полученныхъ подаркахъ, и казалось былъ доволенъ легкимъ шут-

²⁾ Написанныя въ это время стихотворенія (*Къ восходящему полному мѣсяцу, Женихъ, Дорнбургъ въ сен. 1828 и Въ полночь*) полны меланхолическаго, но въ то же время яснаго чувства (*Э. Делеро*).

камъ, которыя примѣшивались къ разговору. Но, вглядываясь глубже, нельзя было не замѣтить, что онъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ, какъ человѣкъ, возвратившійся въ старую обстановку, которая обусловливается различными отношеніями, обстоятельствами и требованіями. Мы только начали обѣдать, какъ пришли отъ имени великой герцогини-матери выразить Гете ея удовольствіе по случаю его возвращенія и извѣстить его, что она посѣтитъ его въ будущій четвергъ.

Со времени смерти великаго герцога, Гете не видалъ никого изъ герцогской фамилии. Онъ, правда, находился въ постоянной перепискѣ съ великой герцогиней-матерью, и они конечно обмѣнялись письмами относительно понесенной утраты. Но теперь предстояло личное свиданіе, которое не могло обойтись безъ тягостныхъ ощущеній, а потому внушало нѣкоторое опасеніе. Затѣмъ Гете не видѣлъ еще никого изъ членовъ молодого двора, и не представлялся новому государю. Все это еще предстояло ему, и если и не было стѣснительно для него, какъ для важнаго и свѣтскаго человѣка, то стѣсняло его какъ поэта, желавшаго слѣдовать своему призванію и жить ради прирожденнаго ему дѣла. Сверхъ того, ему угрожали посѣщенія со всѣхъ сторонъ. Съѣздъ натуралистовъ въ Берлинѣ заставилъ сняться съ мѣста многихъ замѣчательныхъ людей, и тѣ изъ нихъ, которые ѣхали черезъ Веймаръ, уже извѣстили о своемъ скоромъ прибытіи. Предстоявшія безпокойства не могли не отвлечь его на цѣлыя недѣли отъ обыкновеннаго обихода и не помѣшать ему сосредоточиться; притомъ, будущіе визиты, какъ бы они ни были лестны, не могли не быть сопряжены съ хлопотами; все это, какъ призраки, обступило Гете, когда онъ

переступилъ порогъ своего дома и проходилъ въ свою комнату. Было также одно обстоятельство, которое еще сильнѣе отягощало все предстоявшее. Именно, пятый выпускъ его сочиненій, долженствовавшій заключать въ себѣ *Годы странствія*, слѣдовало отдать въ печать на святкахъ. Этотъ романъ, появившійся вначалѣ въ одномъ томѣ, Гете сталъ передѣлывать вполнѣ, и отъ прибавленія новаго, онъ разросся до трехъ томовъ. Многое, правда, было уже окончено, но многое еще оставалось сдѣлать. Въ рукописи было оставлено много пробѣловъ, которые предстояло заполнить. Тутъ кой-чего не доставало въ экспозиціи; тамъ слѣдовало придумать необходимый переходъ, чтобы скрыть отъ читателя, что романъ составленъ изъ отдѣльныхъ кусковъ; были также отрывки значительнаго объема, которымъ не доставало то начала, то конца; словомъ, во всѣхъ трехъ томахъ требовалось еще много работы, чтобъ придать этой замѣчательной книгѣ прелесть и привлекательность.

Гете далъ мнѣ прошлой весной рукопись для просмотра; мы тогда и устно, и письменно обсуждали этотъ важный вопросъ; я совѣтовалъ ему посвятить все лѣто на окончаніе этого сочиненія, отложивъ всѣ другія работы въ сторону; онъ былъ и самъ убѣжденъ въ необходимости этого, и рѣшился выполнить. Но вдругъ умеръ великій герцогъ; въ жизни Гете образовалась страшная пустота; нечего было и думать о ясномъ и спокойномъ расположеніи духа, необходимомъ для предстоящаго труда; надо было заботиться о томъ, чтобъ онъ лично смогъ выдержать горе и оправиться. Но теперь, войдя въ началѣ осени, по возвращеніи изъ Дорнбурга, въ свою комнату, онъ

долженъ былъ вспомнить и объ окончаніи *Годовъ странствія*, на что ему оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ сроку; а ему предстояло столько хлопотъ, столько помѣхъ!

Принявъ въ соображеніе все вышесказанное, легко понять, отчего Гете былъ нѣсколько связанъ за столомъ, хотя и шутилъ легко и весело. Я привелъ эти всѣ обстоятельства еще вотъ почему. Они связаны съ однимъ замѣчаніемъ Гете, которое мнѣ показалось весьма любопытнымъ, и вполне соотвѣтствовало его внутреннему состоянію и его собственной природѣ. Профессоръ въ Оснабрюкѣ, Абекенъ ¹⁾, прислалъ мнѣ передъ 28 августа пакетъ, съ просьбою передать его Гете въ день его рожденія. Когда Гете сталъ рассказывать о различныхъ подаркахъ, присланныхъ въ Дорнгеймъ ко дню его рожденія, я спросилъ его, что было въ пакетѣ Абекена.

«Это замѣчательный подарокъ», сказалъ Гете, — «онъ меня очень порадовалъ. Одна милая дама, у которой Шиллеръ пилъ чай, возымѣла прекрасную мысль записать все, что онъ говорилъ. Она схватила все такъ хорошо и передала такъ вѣрно, что и по истеченіи столь долгаго времени оно читается хорошо; вы непосредственно переноситесь въ положеніе, которое уже давно прошло, вмѣстѣ съ тысячею другихъ замѣчательныхъ вещей, но, по счастью, съ полной живостью передано на бумагѣ. Шиллеръ и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, является полнымъ обладателемъ своей возвышенной природы; онъ такъ же великъ за чайнымъ столомъ, какъ былъ

¹⁾ Съ 1802 по 1810 г. онъ былъ наставникомъ дѣтей Шиллера; потомъ директоромъ гимназіи въ Оснабрюкѣ. Онъ написалъ нѣсколько статей о Гете.

бы великъ въ государственномъ совѣтѣ. Ничто его не стѣсняло, ничто его не обѣуживало; всѣ великіе взгляды, что жили въ немъ, онъ выражалъ безъ оглядки и колебанія. Онъ былъ настоящій человѣкъ, и такимъ и надо быть. Мы, прочіе, напротивъ всегда чувствуемъ себя въ извѣстныхъ условіяхъ; лица, окружающія обстоятельства имѣютъ на насъ вліяніе; насъ стѣсняетъ, когда подають золотую ложечку вмѣсто серебряной; такимъ образомъ, насъ парализуютъ тысячи соображеній, и мы уже не въ силахъ свободно высказывать то великое, что имѣется въ насъ. Мы рабы обстоятельствъ, и являемся ограниченными или значительными, смотря по тому, сѣуживаютъ ли они насъ, или дають намъ просторъ».

* Пятница, 26-го сентября 1828.

Гете показывалъ мнѣ сегодня свое богатое собраніе ископаемыхъ, которое хранится въ отдѣльномъ павильонѣ его сада. Начало коллекціи положено самимъ Гете; она сильно увеличена его сыномъ, и особенно замѣчательна многочисленными образцами окаменѣлыхъ костей, которые всѣ собраны въ окрестностяхъ Веймара.

Среда, 1-го октября 1828.

Сегодня обѣдалъ у Гете г. Геннигаузенъ изъ Крефельда, глава большого торговаго дома, любитель естественныхъ наукъ, особенно минералогіи, человѣкъ разносторонне образованный, благодаря большимъ путешествіямъ и занятіямъ. Онъ пріѣхалъ со сѣзда натуралистовъ въ Берлинъ, и потому много говорили о предметахъ занятій сѣзда, осо-

бенно по минералогіи. Зашла рѣчь о вулканистахъ, и о томъ, какимъ образомъ приходятъ люди къ воззрѣніямъ и гипотезамъ относительно природы; при этомъ упоминалось о великихъ естествоиспытателяхъ и, между прочимъ, объ Аристотелѣ.

«Аристотель», сказалъ Гете, — «видѣлъ природу лучше, чѣмъ кто либо изъ новыхъ, но онъ былъ черезчуръ скоръ въ своихъ заключеніяхъ. Природу, если желаешь чего нибудь добиться отъ нея, слѣдуетъ наблюдать не торопясь и потихоньку. Когда я, при изслѣдованіи естественно-историческихъ предметовъ, приходилъ къ какому нибудь мнѣнію, то не требовалъ его тотчасъ же отъ природы; напротивъ, я испытывалъ ее при помощи наблюденій и опытовъ, и былъ доволенъ, если она была настолько благосклонна, что случайно подтверждала мое мнѣніе. Если этого не случалось, то она наталкивала на другой выводъ, который она, быть можетъ, охотнѣе желала открыть, и я его начиналъ изслѣдовать».

Цятница, 3-го октября 1828.

Сегодня за обѣдомъ я говорилъ съ Гете о *Состязаніи пѣвцовъ въ Вартбургѣ* Фуке¹⁾, которое прочелъ согласно съ его желаніемъ. Мы сошлись въ мнѣніи, что этотъ поэтъ, занимаясь всю свою жизнь изученіемъ древненѣмецкой жизни, въ концѣ концовъ не извлекъ для себя ничего путнаго.

— Изъ этихъ мрачныхъ древненѣмецкихъ временъ, сказалъ Гете, — мы извлечемъ для себя очень немного, такъ же какъ изъ сербской и тому подобныхъ варварскихъ народныхъ поэзій. Прочтешь, и

¹⁾ Это сочиненіе Фуке появилось въ 1828 г.

даже на время заинтересуешься, но просто ради того, чтобъ отъ этого отдѣлаться и отложить въ сторону. Человѣкъ вообще въ достаточной степени омраченъ своими страстями и судьбой, и ему не къ чему усиливать тьмы при помощи варварства предыдущихъ временъ. Человѣку нужна ясность и бодрость, и ему необходимо обратиться къ такимъ художественнымъ и литературнымъ эпохамъ, въ которыя выдающіеся люди достигали столь полного развитія, что и имъ самимъ было хорошо, и они въ состояніи излить на другихъ благодать своей образованности. Если же вы желаете быть хорошаго мнѣнія о Фуке, то прочтите его *Ундину*, которая дѣйствительно восхитительна. Правда, сюжетъ прекрасный, и нельзя сказать, что поэтъ употребилъ въ дѣло все, что въ немъ заключается; но все-таки *Ундина* хороша и понравится вамъ.

— Мнѣ не везетъ на счетъ новѣйшей нѣмецкой литературы, сказалъ я.—Къ стихотвореніямъ Эгона Эберта¹⁾ я перешелъ отъ Вольтера, съ которымъ только что ознакомился и притомъ при помощи его небольшихъ стихотвореній къ разнымъ лицамъ, принадлежащихъ, конечно, къ лучшимъ его произведеніямъ. И съ Фуке случилось не лучше. Я былъ погруженъ въ *Пертскую красавицу*,—первый романъ Вальтера Скотта, великаго писателя, который я сталъ читать; и, что жъ? мнѣ пришлось отложить его въ сторону и заняться *Состязаніемъ тѣнцовъ въ Вартбургѣ*.

— Конечно, новѣйшіе нѣмцы не могутъ выдержатъ никакого сравненія съ этими великими иностранцами, сказалъ Гете. — Но прекрасно, что вы

¹⁾ Пражскій поэтъ, авторъ *Власти*.

по немногу знакомитесь со всѣми своими и иностранными писателями; вы увидите, откуда слѣдуетъ поэту почерпать необходимое для него высшее міровое образованіе.

Вошла г-жа фонъ-Гете, и сѣла съ нами за столъ.

— Но не правда ли, веселѣе заговорилъ Гете, — *Пертская красавица* Вальтеръ Скотта хорошая вещь? Вотъ это такъ написано! Вотъ это такъ рука! Какая увѣренность въ планѣ, и въ подробностяхъ нѣтъ ни штриха, который не вель бы къ цѣли. И какія подробности, какъ въ разговорахъ, такъ и въ описаніяхъ! И то и другое превосходно. Его сцены и положенія можно поставить на равнѣ съ картинами Теньера; въ распорядкѣ цѣлаго они обнаруживаютъ высоту искусства; отдѣльныя фигуры дышатъ правдой; все до мелочей отдѣлано съ любовью, — не забыть ни одинъ штрихъ. До какого мѣста вы дочитали?

— До того, какъ Генрихъ Смитъ по улицамъ и переулкамъ провожаетъ домой прекрасную арфистку, и когда ему, къ великой досадѣ, встрѣчаются шапочникъ Прондфьютъ и аптекаръ Двининъ.

— Хорошее мѣсто, сказалъ Гете. — Что честный оружейникъ принужденъ наконецъ взвалить къ себѣ на спину не только подозрительную дѣвушку, но и собачку — одна изъ величайшихъ чертъ, какія когда либо встрѣчались въ романѣ. Она указываетъ на такое знаніе человѣческой природы, которому открыты самыя глубокія тайны.

— Я удивляюсь также, какъ чертъ въ высшей степени удачной, тому, что Вальтеръ Скоттъ сдѣлалъ отца героини перчаточникомъ, который, при помощи торговли мѣхами и кожами, давно уже находился и находится въ сношеніяхъ съ горами.

— Да, сказалъ Гете, — это черта высочайшаго искусства. Отсюда для всего романа проистекають самыя благопріятныя отношенія и обстоятельства, которыя съ тѣмъ вмѣстѣ получаютъ чрезъ это реальную основу и придаютъ всему необыкновенную правдивость. Вообще, Вальтеръ Скоттъ отличается большою увѣренностью и основательностью рисунка; это проистекаетъ отъ его всеобъемлющаго знанія реальнаго міра, — чего онъ достигъ изученіемъ и наблюденіемъ всей своей жизни и ежедневными бесѣдами о важнѣйшихъ дѣлахъ. И при этомъ его великій талантъ и многообъемлющая натура! Вы помните, какъ англійскій критикъ¹⁾ сравниваетъ поэтовъ съ пѣвцами; одни владѣютъ только нѣсколькими хорошими нотами, у другихъ же въ полномъ распоряженіи весь объемъ голоса, отъ самыхъ высокихъ до самыхъ низкихъ нотъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Вальтеръ Скоттъ. Въ *Пертской красавицѣ* нѣтъ ни одного слабаго мѣста, гдѣ бы чувствовалось, что у него не хватило знанія или таланта. Король, братъ короля, наслѣдный принцъ, глава духовенства, дворянинъ, судья, горожанинъ и ремесленникъ, горецъ — всѣ они очерчены твердой рукой и изображены одинаково правдиво.

— Англичанамъ, замѣтила г-жа фонъ-Гете, — нравится особенно характеръ Генриха Смита, и Вальтеръ Скоттъ, повидимому, считаетъ его героемъ романа. Но онъ не мой любимецъ; мнѣ бы понравился принцъ.

— Принцъ, при всей своей дикости, сказалъ я, — все таки стоитъ любви, и нарисованъ съ такимъ же совершенствомъ, какъ и другіе.

¹⁾ Карлейль. Ср. выше стр. 11.

— Когда онъ, сидя на лошади, сказалъ Гете, — сажаетъ къ себѣ на ногу хорошенькую арфистку, чтобъ поцѣловать еѣ, — вотъ смѣлая черта въ англійскомъ родѣ. Но вы, женщины, не правы, обнаруживая всегда пристрастіе; вы обыкновенно читаете книгу ради того, чтобъ найти пищу своему сердцу: героя, котораго можно бы полюбить. Но собственно такъ читать не слѣдуетъ, и, нравится ли вамъ или нѣтъ тотъ или другой характеръ, ничего не значить; надо, чтобъ вамъ нравилась книга.

— Ну, ужъ мы, женщины, таковы, милый батюшка, сказала г-жа фонъ-Гете и, склонясь надъ столомъ, пожала ему руку.

— И пусть ваши достолюбезныя качества остаются при васъ, отвѣчалъ Гете.

Подлѣ него лежалъ новый номеръ *Le Globe*, и онъ взялъ его. Я тѣмъ временемъ говорилъ съ г-жей фонъ Гете о молодыхъ англичанахъ, съ которыми познакомился въ театрѣ.

— Но что это за народъ, эти сотрудники *Le Globe*, заговорилъ Гете съ нѣкоторымъ жаромъ; — съ каждымъ днемъ они все становятся выше, значительнѣе, и всѣ до того проникнуты однимъ духомъ, что трудно даже представить. Въ Германіи такой журналъ невозможенъ. Мы всѣ черезъ чуръ частные люди: объ единомудшіи и думать нечего; у каждаго — мнѣніе своей провинціи, своего города, своей собственной индивидуальности, и долго еще намъ ждать, пока у насъ обнаружится родъ общаго образованія ¹⁾.

¹⁾ Ср. Часть I, стр. 344.

Понедѣльникъ, 6-го октября 1828.

Обѣдалъ у Гете съ г. фонъ Марціусомъ¹⁾, который здѣсь уже нѣсколько дней; онъ говорилъ съ Гете о ботаникѣ, особенно же о спиральной тенденціи растений; въ этомъ отношеніи г. фонъ Марціусъ сдѣлалъ важныя открытія; онъ сообщилъ о нихъ Гете, и тѣмъ познакомилъ его съ новой отраслью знаній; Гете, по видимому, воспринималъ идеи своего друга съ нѣкотораго рода юношеской страстностью. «Это сильно подвинетъ фізіологію растений», сказалъ онъ. «Новый взглядъ относительно спиральной тенденціи вполне соотвѣтствуетъ моему ученію о метаморфозѣ; онъ открытъ тѣмъ же путемъ, но этимъ сдѣланъ неслыханный шагъ впередъ».

Вторникъ, 7-го октября 1828.

Сегодня за обѣдомъ собралось веселое общество. Кромѣ веймарскихъ друзей, было нѣсколько возвращавшихся изъ Берлина натуралистовъ, изъ которыхъ я былъ знакомъ съ г. фонъ Марціусомъ изъ Мюнхена, сидѣвшимъ подлѣ Гете. Говорили и шутили о самыхъ различныхъ вещахъ. Гете былъ въ особенно хорошемъ расположеніи и необыкновенно общителенъ. Зашла рѣчь о театрѣ, и много говорили о послѣдней оперѣ Россини, *Моисей*. Оуждали сюжетъ; музыку и хвалили, и бранили.

«Я васъ не понимаю, милыя дѣти», сказалъ Гете, «какъ вы можете отдѣлять сюжетъ отъ музыки, и можете наслаждаться тѣмъ и другимъ отдѣльно. Вы говорите, что сюжетъ не годится, но вы на него не обращали вниманія, и наслаждались прекрасной».

¹⁾ Путешественникъ и натуралистъ.

музыкой. Я, право, удивляюсь вашей организации; какъ ваши уши въ состояніи схватывать пріятные звуки въ то время, какъ самое могущественное чувство, глазъ, страдаетъ отъ нелѣпостей. А что вашъ Моисей дѣйствительно нелѣпъ, вы отрицать не можете. Какъ только подымается занавѣсъ, народъ стоитъ ужъ и молится. Это не идетъ. Написано: когда хочешь молиться, то войди въ комнату и запри за собой двери, на сценѣ же не слѣдуетъ молиться. Я бы написалъ совсѣмъ другого Моисея, и началъ бы шесу иначе. Я сперва показалъ-бы, какъ страдали дѣти Израиля на тяжелой работѣ, подъ тираніей египетскихъ зрителей, дабы наглядно показать, какія услуги оказалъ Моисей своему народу, сумѣвъ освободить его отъ позорнаго ига».

И Гете съ большой веселостью продолжалъ сочинять оперу, сцена за сценой и актъ за актомъ; все было умно и полно жизни, и согласно съ духомъ исторіи,—къ радостному изумленію всего общества, которое дивилось неукротимому потоку его мыслей и богатству его изобрѣтательности. Все шло такъ быстро, что не возможно было запомнить, но у меня въ памяти сохранилась пляска египтянъ, въ знакъ радости, что тьма прекратилась и возвратился свѣтъ.

Разговоръ отъ Моисея перешелъ къ потоку и, возбужденный умными натуралистами, вскорѣ получилъ естественноисторическое направление.

— Утверждаютъ, сказалъ г. фонъ Марціусъ,—будто нашли на Араратѣ окаменѣлый кусокъ Ноева ковчега, и я не удивлюсь, если найдется окаменѣлый черепъ перваго человѣка.

Отсюда разговоръ перешелъ на различные человѣческія рассы, какъ-то: черныхъ, красныхъ, жел-

тыхъ и бѣлыхъ, живущихъ въ разныхъ странахъ; въ заключеніе представился вопросъ: можно ли принять, что все человѣчество происходитъ отъ одной пары, отъ Адама и Евы. Г. фонъ Марціусъ защищалъ преданіе Священнаго писанія, и какъ натуралистъ, старался подтвердить его тѣмъ тезисомъ, что природа во всѣхъ своихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ весьма экономно.

— Я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ Гете. — Я скорѣе стану утверждать, что природа всегда является богатой, даже расточительной, и что согласнѣе съ ея духомъ принять, что она произвела сразу вмѣсто одной тшедушной пары, дюжины, даже сотни ихъ. Когда земля достигла извѣстной степени зрѣлости, воды сошли и сушъ достаточно зазеленѣла, то настало время появленія челоуѣка, и онъ появился по всемоушеству Божію всюду, гдѣ то позволяла почва, и вѣроятно въ началѣ на высотахъ. Я считаю разумнымъ думать, что такъ оно и случилось; но разсуждать, какъ оно случилось, я считаю дѣломъ бесполезнымъ, которое слѣдуетъ оставить на долю тѣхъ, кто занимается неразрѣшимыми задачами, за неимѣніемъ лучшаго.

— Если я, какъ естествоиспытатель, съ нѣкоторымъ лукавствомъ сказалъ г. фонъ Марціусъ, — и охотно соглашаюсь съ воззрѣніемъ вашего превосходительства, то какъ добрый христіанинъ, я нѣсколько затрудняюсь принять мнѣніе, которое не можетъ быть согласовано съ библейскимъ сказаніемъ.

— Священное писаніе, возразилъ Гете, — конечно, говоритъ только обо одной парѣ, созданной Богомъ въ шестой день. Но одаренные люди, засвидѣтельствовавшие слово Божіе, переданное намъ

Библіей, въ послѣдствіи имѣли дѣло со своимъ избраннымъ народомъ, у котораго мы отнюдь и не оспариваемъ чести происхожденія отъ Адама. Но мы, прочіе, равно какъ негры и лашландцы, и всѣ высокіе и стройные люди, которые красивѣе насъ, конечно, имѣли другихъ праотцевъ; почтенное общество, разумѣется, согласится, что мы весьма и во многомъ отличаемся отъ истинныхъ потомковъ Адама, и что они, особенно по денежной части, превосходятъ всѣхъ насъ.

Мы захохотали. Разговоръ сдѣлался общимъ; Гете, возбуждаемый противорѣчіемъ г. фонъ Марціуса, высказалъ много замѣчательныхъ мыслей, которыя, будучи съ виду шутками, имѣли глубокое содержаніе. Когда встали изъ-за стола, то доложили о прусскомъ министрѣ, г. фонъ Іорданѣ, и мы перешли въ сосѣднія комнаты.

Среда, 8-го октября 1828.

Сегодня къ обѣду у Гете ждали Тика съ супругой и дочерьми, и графиней Финкенштейнъ¹⁾. Я вмѣстѣ съ ними вошелъ въ пріемную. Тикъ смотрѣлъ весьма здоровымъ; воды, повидимому, оказали на него хорошее дѣйствіе. Я сказалъ ему, что за это время прочелъ первый романъ Вальтеръ Скотта, и какое наслажденіе доставляетъ мнѣ этотъ необыкновенный талантъ. «Я сомнѣваюсь», сказалъ Тикъ, «чтобъ этотъ послѣдній его романъ, котораго я еще не читалъ, былъ лучше всего, что писалъ Вальтеръ Скоттъ; но онъ такой замѣчательный писатель, что первая изъ его вещей, которую приходится читать, всегда приводитъ въ восторгъ; къ нему можно подойти съ какой угодно стороны».

¹⁾ Близкій другъ Тика.

Вошелъ профессоръ Геттлингъ¹⁾), только что возвратившійся изъ путешествія по Италіи. Я очень обрадовался, увидѣвъ его, и отвелъ его къ окну, чтобъ разспросить. «Въ Римъ поѣзжайте, въ Римъ, если желаете чѣмъ нибудь сдѣлаться, сказалъ онъ. — Вотъ это городъ! это жизнь! это свѣтъ! Мы не можемъ въ Германіи освободиться отъ всего мелочного въ нашей натурѣ; но только въѣдете въ Римъ, и съ вами случится превращеніе: вы почувствуете себя великимъ, какъ все васъ окружающее». — Отчего вы не остались тамъ дольше? спросилъ я. — «Кончились и отпускъ и деньги», отвѣчалъ онъ. «Странное чувство овладѣло мною, когда, оставивъ за собой Италію, я вновь переѣхалъ Альпы».

Вошелъ Гете и привѣтствовалъ гостей. Онъ говорилъ съ Тикомъ и его семействомъ о разныхъ вещахъ и затѣмъ подаль графинѣ руку, чтобъ вести ее къ столу. Мы пестрой толпой послѣдовали за ними. Разговоръ шелъ живо и безо всякихъ стѣсненій; но я не помню, о чемъ говорили.

Послѣ обѣда доложили о приѣздѣ принцевъ Ольденбургскихъ. Мы всѣ поднялись въ комнаты г-жи фонъ Гете, гдѣ дѣвица Агнесса Тикъ спѣла прелестную пѣсню: «*Im Felde schleich' ich still und wild*», отличнымъ альтомъ, и такъ прекрасно передала положеніе, что произвела впечатлѣніе, котораго не забудешь.

Четвергъ, 9-го октября 1828.

Сегодня мы обѣдали втроемъ, съ Гете и г-жой фонъ-Гете. Мы заговорили снова о Моисей Россини и вспомнили третьягодняшнюю импровизацію

¹⁾ Замѣчательный филологъ и археологъ, профессоръ Іенскаго университета.

Гете. «Что я говорилъ шутя и въ хорошемъ расположеніи о *Моисей*, сказалъ Гете, «я ужъ не помню; такія вещи дѣлаются безсознательно. Но навѣрное, опера только тогда можетъ доставить удовольствіе, когда сюжетъ такъ же хорошъ, какъ музыка: когда и то, и другое идетъ равнымъ шагомъ. Если вы спросите, какую оперу я считаю хорошей, то я назову *Водовоза*;¹⁾ піеса такъ хороша, что ее можно давать одну, безъ музыки, и смотрѣть съ удовольствіемъ. Композиторы либо не понимаютъ важности хорошей подкладки, либо не могутъ напасть на понимающихъ дѣло поэтовъ, которые сдумали бы помочь имъ въ обработкѣ хорошихъ сюжетовъ. Если бъ въ *Волшебномъ стрѣлкѣ* не было такого сюжета, то одной музыкѣ трудно бы такъ привлекать толпу, какъ теперь, и поэтому надо отдать нѣкоторую честь и г. Кинду²⁾».

Затѣмъ мы заговорили о профессорѣ Геттлингѣ и его путешествіи по Италіи.

— Я не стану упрекать его за то, что онъ говоритъ съ такимъ одушевленіемъ о Римѣ, сказалъ Гете;—я вспоминаю, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на меня! Да, я могу сказать, что только въ Римѣ почувствовалъ, что такое собственно человѣкъ. До такой высоты впечатлѣнія, до такого счастья я уже никогда потомъ не подымался; по сравненію съ моимъ состояніемъ въ Римѣ, я уже никогда не былъ въ такомъ радостномъ настроеніи. Но не станемъ предаваться печальнымъ размышленіямъ, послѣ молчанія добавилъ Гете. — Ну, что

¹⁾ Извѣстная опера Керубини, слова Булльи. По французски она называется *Deux Journées*.

²⁾ Авторъ либретто.

Пертская красавица? Что вы о ней скажете? Далеко ли вы прочли. Рассказывайте и давайте отчетъ.

— Я читаю медленно, сказалъ я; — я дочелъ до сцены, когда Прюдфьютъ, въ доспѣхахъ Генриха Смита, подражая его походкѣ и свисту, былъ побитъ и найденъ на другое утро на улицѣ пертскими горожанами, которые приняли его за Генриха Смита и подняли тревогу.

— Да, сказалъ Гете, — сцена замѣчательная: одна изъ лучшихъ.

— Я особенно удивляюсь тому, въ какой высокой степени Вальтеръ Скоттъ владѣетъ талантомъ съ большой ясностью излагать самыя запутанныя обстоятельства; все обособляется въ отдѣльныя массы и спокойныя картины, и производитъ такое впечатлѣніе, точно мы обладаемъ способностью вездѣсущихъ существъ и одновременно видимъ сверху то, что происходитъ въ разныхъ мѣстахъ.

— Вообще, у Вальтеръ Скотта очень большое пониманіе искусства, сказалъ Гете; — поэтому даже и для насъ и намъ подобныхъ, для людей, обращающихъ особенное вниманіе на то *какъ* сдѣлано, въ его вещахъ имѣется двойной интересъ, и мы извлекаемъ изъ нихъ особую пользу. Я не стану вамъ рассказывать впередъ, но въ третьей части вы увидите еще одну первостепенную художническую уловку. Вы, уже прочли, что принцъ сдѣлалъ въ государственномъ совѣтѣ мудрое предложеніе, чтобъ не мѣшать возмущившимся горцамъ истреблять другъ друга, а также что рѣшено, чтобъ въ вербное воскресенье оба враждующія племени горцевъ сошли въ Пертъ и учинили единоборство, на жизнь и смерть, тридцать противъ тридцати. Вотъ вы и по-

дивитесь, какъ Вальтеръ Скоттъ устроить, чтобъ въ день поединка у одной стороны не хватило человѣка, и съ какимъ искусствомъ онъ издали подведетъ все къ тому, чтобъ вмѣсто недостающаго человѣка между сражающимися появился его герой, Генрихъ Смитъ. Это очень замѣчательная черта, и она доставитъ вамъ удовольствіе. — Но, когда вы кончите *Пертскую красавицу*, то прочтите *Ваверлея*; онъ совсѣмъ въ иномъ родѣ и безъ сомнѣнія можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими вещами, которыя когда либо были написаны. Видно, что писалъ его тотъ же человѣкъ, что и *Пертскую красавицу*, но ему требовалось въ первый разъ добиться благосклонности публики, а потому онъ заботился, чтобъ не было ни одной несовершенной черты. *Пертская красавица* написана свободнѣе; авторъ уже увѣренъ въ своей публикѣ и позволяетъ себѣ нѣкоторыя вольности. Прочтя *Ваверлея*, понимаешь, почему Вальтеръ Скоттъ до сихъ поръ называетъ себя авторомъ этого романа; онъ въ немъ показалъ, что можетъ сдѣлать, и послѣ не писалъ ужъ ничего лучше, и даже такого, что могло бы сравниться съ его первымъ романамъ.

Четвергъ, 9-го октября 1828.

Въ честь Тика сегодня былъ «чай» въ комнатахъ г-жи фонъ-Гете. Вечеръ прошелъ очень пріятно. Я познакомился съ графомъ и графиней Медемъ; графиня сказала мнѣ, что видѣла сегодня Гете, и что онъ произвелъ такое впечатлѣніе, что она чувствуетъ себя счастливой въ глубинѣ своей души. Графъ особенно интересовался продолженіемъ *Фауста*. Намъ подали надежду, что Тикъ что-нибудь прочтетъ; такъ оно и случилось. Все общество перешло въ

самую дальнюю комнату и разсѣлось въ кружокъ на софѣ и стульяхъ. Тикъ читаль *Клавию*.

Я часто читаль эту пьесу и чувствовалъ ея красоты, но нынче она показалась мнѣ совершенно новой и произвела на меня такое впечатлѣніе, какого никогда раньше не производила. Мнѣ показалось, что я слышу ее со сцены, но только еще лучше; отдѣльные характеры и положенія были переданы въ совершенствѣ; чтеніе производило впечатлѣніе такого представленія, гдѣ всякая роль была бы исполнена въ совершенствѣ.

Трудно сказать, какія именно сцены Тикъ читаль лучше, тѣ ли, гдѣ развивается мужская сила и страсть, или спокойныя, ясно-разумныя сцены, или же сцены, гдѣ любовь бьетъ ключемъ. Онъ, впрочемъ, обладалъ совершенно особеннымъ средствомъ для исполненія послѣдняго рода сценъ. Сцена между Маріей и Клавиго у меня до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ; сдавленное дыханіе, прерывающійся и дрожащій голосъ, разбитые, удушенные звуки, придыханія и вздохи, сопровождаемые горячими слезами,—все это у меня вполнѣ въ памяти, и я никогда ихъ не забуду. Всѣ слушали самымъ внимательнымъ образомъ, всѣ были охвачены чтеніемъ; свѣчи нагорѣли, но никто не смѣлъ снять нагаръ изъ страха сколько нибудь помѣшать чтенію; слезы текли ручьями изъ глазъ у женщинъ, и свидѣтельствовали о глубокомъ впечатлѣніи, производимомъ пьесой; и выражали дань, приносимую какъ поэту, такъ и чтенію¹⁾.

¹⁾ Признаюсь, я всегда чувствовалъ особую слабость къ *Клавию* Гете, и доселѣ считаю его самымъ сценичнымъ изъ драматическихъ произведеній германскаго поэта. Меня всегда удивляло рѣдкое исполненіе на сценѣ именно этой пьесы. Что

Тикъ окончилъ и всталъ, отирая потъ со лба. Но слушатели все еще были какъ бы прикованы къ стульямъ; всѣ чувствовали въ душѣ столь глубокое впечатлѣніе, что не находили обычныхъ словъ благодарности тому, кто такъ взволновалъ ихъ. По немногу всѣ пришли въ себя, встали и начали весело разговаривать; въ сосѣднихъ комнатахъ на маленькихъ столикахъ былъ приготовленъ ужинъ.

Самъ Гете не присутствовалъ на чтеніи; но его духъ и его мысли жили съ нами. Онъ просилъ извиниться передъ Тикомъ и прислалъ обѣимъ его дочерямъ, Агнесѣ и Доротеѣ, по брошкѣ съ своимъ портретомъ и по красному бантику, которые г-жа фонъ-Гете приколола имъ какъ орденскія ленточки.

Пятница, 10-го октября 1828.

Сегодня я получилъ изъ Лондона, отъ г. Вильяма Фразера, два экземпляра третьяго выпуска его *Foreign Review*, и отнесъ экземпляръ Гете. Я встрѣтилъ у него за обѣдомъ веселое общество въ честь Тика и графини, которые, по просьбѣ Гете, остались еще на день, между тѣмъ какъ остальные члены ихъ семействъ отправились еще утромъ въ Дрезденъ. За обѣдомъ особенно говорили объ англійской литературѣ и Вальтеръ Скоттъ, причемъ Тикъ, между прочимъ, замѣтилъ, что онъ десять лѣтъ назадъ привезъ въ Германію первый экземпляръ *Ваверлея*.

тому причиной? ея ли великая сжатость, требующая особаго напряженія артистическихъ силъ, или просто малая литературная образованность, какъ артистовъ, такъ и завѣдующихъ художественною частью въ театрѣ? Уже по описанію чтенія, можно предчувствовать, что за впечатлѣніе произведетъ на сценѣ эта пьеса!

Д. А.

Суббота, 11-го октября 1828.

Въ присланномъ г. Фразеромъ выпускѣ *Foreign Review*, между многими замѣчательными и интересными вещами, помѣщена прекрасная статья Карлейля о Гете. Я прочелъ ее сегодня утромъ. Я пошелъ къ Гете немного раньше, чтобъ до прихода другихъ гостей переговорить съ нимъ о ней. Какъ желалъ, я засталъ его одного. Онъ былъ въ черномъ фракѣ со звѣздой, — костюмъ, въ которомъ я люблю его видѣть; сегодня онъ былъ особенно юношески веселъ; мы тотчасъ же заговорили о томъ, что интересовало насъ обоихъ. Гете сказалъ мнѣ, что самъ просмотрѣлъ нынче утромъ статью Карлейля о себѣ; такимъ образомъ мы могли обмѣняться нѣсколькими похвальными словами о стремленіяхъ этого писателя.

— Пріятно видѣть, сказалъ Гете, — какъ старинное шотландское педантство превратилось въ немъ въ серьезность и основательность. Вспомнивъ, какъ еще недавно меня отдѣлывали эдинбургцы, и затѣмъ видя заслуги Карлейля относительно нѣмецкой литературы, я не могу не подивиться значительному шагу къ лучшему.

— Въ Карлейлѣ, сказалъ я, — я уважаю больше всего духъ и характеръ, которые лежатъ въ основѣ его направленія. Онъ желаетъ подвинуть образованность своего народа, и въ иностранныхъ литературныхъ произведеніяхъ, съ которыми хочетъ ознакомить своихъ земляковъ, ищетъ не столько художественности, сколько высоты нравственного воззрѣнія, которое можно извлечь изъ такихъ произведеній.

— Да, сказалъ Гете, — воодушевляющая его мысль

особенно драгоценна. И какъ онъ во всемъ серьезень! Какъ онъ изучилъ насъ, нѣмцевъ! Онъ въ нашей литературѣ больше дома, чѣмъ мы сами; по крайней мѣрѣ, наши труды по англійской литературѣ не могутъ быть поставлены на ряду съ его работами.

— Статья написана съ силой и одушевленіемъ, которыя показываютъ, что въ Англіи приходится побороть еще много предрасудковъ и противорѣчій. По видимому, неблагожелательные критики и плохіе переводчики выставили *Вильгельма Мейстера* вовсе не въ благопріятномъ свѣтѣ. Но Карлейль прекрасно расправляется съ ними. На глупое мнѣніе, что ни одна по истинѣ благородная женщина не прочтетъ *Мейстера*, онъ очень остроумно возражаетъ примѣромъ покойной прусской королевы, которая любила этотъ романъ, и все таки считалась по справедливости первой женщиной своего времени.

Вошли приглашенные къ обѣду; Гете поздоровался съ ними, и снова обратился ко мнѣ.

— Конечно, продолжалъ я, — Карлейль изучилъ *Мейстера* и, проникнутый достоинствами романа, желаетъ, чтобъ книга получила общее распространеніе; онъ желаетъ, чтобъ всякій образованный человѣкъ извлекъ изъ нея ту же пользу и удовольствіе, что и онъ самъ.

Гете, чтобъ отвѣтить мнѣ, отвелъ меня къ окну.

— Милое дитя, сказалъ онъ, — я сообщу вамъ нѣчто по секрету: оно будетъ полезно вамъ и сейчасъ, и пригодится на всю жизнь. *Мои сочиненія никогда не станутъ популярными*; кто думаетъ иначе, и стремится къ осуществленію своей мысли, тотъ ошибается. Они написаны не для массы, но для от-

дѣльныхъ людей, которые желаютъ и ищутъ того же, чего искалъ и я, и охвачены такимъ же стремленіемъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но вошла молодая дама и заговорила съ нимъ. Я обратился къ другимъ, и мы вскорѣ сѣли за столъ. Я не зналъ, что думать о сказанномъ; слова Гете не выходили у меня изъ головы и волновали меня.

Конечно, думалъ я,—какъ можетъ стать популярнымъ такой, какъ онъ писатель; такой высокій духъ, такая всеобъемлющая натура! Отъ него можетъ стать популярной развѣ какая нибудь пѣсенка, которую распѣваютъ веселые ребята и влюбленные дѣвушки!

Но, говоря правду, развѣ не то же со всѣми чрезвычайными произведеніями? Развѣ Моцартъ популяренъ? или Рафаэль? Развѣ люди не относятся къ такимъ великимъ источникамъ неисчерпаемой духовной жизни подобно лакомкамъ, что рады схватить мимоходомъ хорошій кусочекъ, котораго имъ хватить на долго.

Да, Гете правъ. Онъ слишкомъ обширенъ, чтобъ стать популярнымъ; его сочиненія только для одѣльныхъ людей, которые ищутъ того же, что онъ, и охвачены подобными же стремленіями. Они для людей созерцательныхъ, которые хотятъ проникнуть въ глубину природы и людей, и идутъ по его слѣдамъ. Нѣкоторые изъ нихъ—для людей страстныхъ, которые ищутъ у поэта сердечныхъ радостей и страданій. Его сочиненія для молодыхъ поэтовъ, которые захотятъ учиться, какъ выражать свою душу и какъ художественно обрабатывать сюжетъ. Они для критиковъ, которые найдутъ въ нихъ образцы, на основаніи какихъ именно правилъ слѣдуетъ судить и какъ слѣдуетъ писать интересныя и пріятныя рецензіи, которыя прочтутся съ удовольствіемъ.

Они для художниковъ, которымъ вообще уяснять мысли и особенно научать ихъ, какіе сюжеты имѣютъ художественное значеніе, и что, поэтому, слѣдуетъ изображать и чего нѣтъ. Они для естествоиспытателей и не только потому, что заключаютъ въ себѣ открытые Гете великіе законы, но потому еще, что содержатъ въ себѣ методу, какъ слѣдуетъ относиться къ природѣ, дабы она открыла уму свои тайны.

И такъ, пусть приступятъ къ богатой трапезѣ его сочиненій всѣ стремящіеся къ наукамъ и искусствамъ, и засвидѣтельствуютъ своими дѣянiями объ общемъ источникѣ жизни и свѣта, изъ котораго они черпали.

Такія и подобныя мысли проходили у меня въ головѣ во время обѣда. Я думалъ объ отдѣльныхъ вещахъ, о многихъ талантливыхъ нѣмецкихъ художникахъ, натуралистахъ, поэтахъ и критикахъ, обязанныхъ доброй половиной своего развитiя Гете. Я думалъ о даровитыхъ итальянцахъ, французахъ и англичанахъ, которые слѣдили за нимъ и работали въ его духѣ. А между тѣмъ вокругъ меня весело шутили и болтали, и оказывали вниманіе вкуснымъ блюдамъ. Я и самъ вставилъ словцо, другое, не зная хорошенько о чемъ идетъ рѣчь. Одна дама обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, на который я отвѣчалъ, вѣроятно, невпопадъ. Надо мной посмѣялись. «Оставьте Эккерманна», сказалъ Гете: «его нигдѣ нѣтъ, кромѣ случаевъ, когда онъ сидитъ въ театрѣ».

На мой счетъ посмѣялись; но мнѣ это не было непріятно. Я въ душѣ чувствовалъ себя особенно счастливымъ. Я благословлялъ судьбу, которая, послѣ странныхъ испытанiй, причислила меня къ немногимъ, наслаждающимся близостью и довѣріемъ

человѣка, чье величіе всего нѣсколько мгновений назадъ такъ живо представилось моей душѣ, и котораго я въ ту минуту видѣлъ глазами со всѣми его достохвальными качествами.

Къ десерту подали бисквиты и отличный виноградъ. Послѣдній былъ присланъ издалека; Гете скрывалъ, откуда именно. Онъ отдѣлилъ и передалъ мнѣ черезъ столъ спѣлую кисть. «Вотъ, мой добрый», сказалъ онъ «вкусите отъ этой сладости, и будьте счастливы». Я взялъ кисть изъ рукъ Гете, и чувствовалъ близость къ нему и душой, и тѣломъ.

Говорили о театрѣ, о заслугахъ Вольфа. «Я прекрасно знаю», сказалъ Гете, «что всѣ наши здѣшніе старѣйшіе артисты многому научились у меня, но собственно одного Вольфа я могу назвать своимъ ученикомъ. Я часто рассказываю о случаѣ, который доказываетъ, что онъ игралъ въ моемъ духѣ, какъ сильно онъ былъ проникнутъ моими принципами. Какъ-то, по нѣкоторымъ постороннимъ причинамъ, я былъ очень сердитъ на Вольфа. Онъ долженъ былъ играть; я сидѣлъ въ ложѣ. «Теперь», подумалъ я, «ты долженъ хорошенько слѣдить за нимъ; сегодня ты нимало не склоненъ быть пристрастнымъ и извинять ему». Вольфъ игралъ, и я внимательно слѣдилъ за нимъ. Но какъ онъ игралъ! Какая увѣренность, какая твердость въ роли! Невозможно было замѣтить и тѣни уклоненія отъ правилъ, которыя я внѣдрилъ въ него, и я былъ принужденъ помириться съ нимъ».

Пятница, 17-го октября 1828.

Гете съ нѣкотораго времени очень внимательно читаетъ *Le Globe* и часто говоритъ объ этомъ жур-

налѣ. Ему кажутся особенно важными работы Кузена и его школы. «Они находятся какъ разъ на пути сближенія Франціи съ Германіей», сказалъ онъ; «они образуютъ языкъ, который вполне способенъ облегчить обмѣнъ идей обѣихъ націй».

Le Globe еще тѣмъ особенно интересуется Гете, что въ немъ говорится о новѣйшихъ произведеніяхъ французской изящной словестности и часто защищаются вольности романтической школы, или, вѣрнѣе, освобожденіе отъ оковъ бессмысленныхъ правилъ. «Что значитъ вся эта ветошь условныхъ правилъ устарѣлаго чопорнаго времени!» сказалъ онъ сегодня, «и что значитъ весь этотъ шумъ изъ-за классицизма и романтизма. Все сводится къ тому, чтобъ произведеніе съ начала до конца было хорошо и дѣльно, и оно станетъ классическимъ!»

Понедѣльникъ, 20-го октября 1828.

Сегодня за обѣдомъ у Гете оберберграть Нэгертъ изъ Бонна былъ желаннымъ гостемъ. Много говорили о минералогіи; почтенный иностранецъ съ особой основательностью говорилъ о минералогическихкихъ породахъ и ихъ расположеніи въ окрестностяхъ Бонна.

Послѣ обѣда мы перешли въ комнату, гдѣ колоссальный бюстъ Юноны. Гете показывалъ гостямъ длинные свѣтки бумаги съ контурами фризозъ храма въ Фигаліи. При этомъ было высказано замѣчаніе, что греки въ изображеніи животныхъ не столько придерживались натуры, сколько слѣдовали нѣкоторой условности. Находили, что въ изображеніяхъ этого рода они отставали отъ природы, и что бараны, жертвенные быки и лошади, какъ они

изображены на барельефахъ, очень часто являются деревянными, однообразными и несовершенными. «Я не стану о томъ спорить», сказалъ Гете, «но первѣе всего слѣдуетъ различать, какого вѣка и какого художника эти произведенія. Потому что есть множество образцовыхъ произведеній, гдѣ греческіе художники въ изображеніяхъ животныхъ не только достигали натуры, но и превосходили ее. Англичане, первые въ свѣтѣ знатоки лошадей, должны были сознаться относительно двухъ античныхъ лошадиныхъ головъ, что ихъ формы такъ совершенны, какъ ни у одной изъ нынѣ существующихъ породъ. Эти головы—изъ лучшихъ временъ греческаго искусства; и если эти произведенія приводятъ насъ въ изумленіе, то мы не можемъ принять, будто греческіе художники работали съ лучшей, чѣмъ нынче, натуры, но что сами они, съ развитіемъ времени и искусства, сдѣлались кое-чѣмъ и могли сообщить натурѣ свое личное величіе».

Пока Гете говорилъ, я стоялъ съ одной дамой у стола и разсматривалъ другія художественныя вещи, и могъ слушать его только въ полъ-уха; но тѣмъ глубже запечатлѣлись эти слова въ моей душѣ. Общество мало-по-малу разошлось, и я остался одинъ съ Гете; онъ стоялъ у печки.

— Ваше превосходительство, сказалъ я,—прекрасно выразились, что греки смотрѣли на натуру сквозь свое личное величіе, и я стою на томъ, что невозможно съ достаточной глубиной проникнуться этимъ принципомъ.

— Да, мой добрый, въ этомъ-то и дѣло. Надо *быть* чѣмъ нибудь, чтобы что нибудь сдѣлать. Данте кажется намъ великимъ, но позади его была вѣковая цивилизація; домъ Ротшильдовъ богатъ, но по-

требовалась не одна человѣческая жизнь, чтобъ скопить такія богатства. Всѣ эти вещи имѣютъ болѣе глубокое основаніе, чѣмъ думаютъ. Наши добрые художники, желающіе воскресить древненѣмецкое искусство, и не подозрѣваютъ этого; они съ личной слабостью и художественнымъ безсиліемъ принимаютъ за подражаніе природѣ, и думаютъ, что изъ этого что нибудь выйдетъ. Они *ниже* природы. Кто хочетъ сдѣлать нѣчто великое, тотъ долженъ достигнуть такого развитія, чтобъ быть въ состояніи, подобно грекамъ, возвысить ограниченную реальную природу до высоты своего духа, и сдѣлать дѣйствительнымъ то, что въ явленіяхъ природы, въ силу внутренней слабости или внѣшнихъ препятствій, осталось на степени *напѣренія*¹⁾.

Среда, 22-го октября 1828.

Сегодня за обѣдомъ рѣчь зашла о *женщинахъ*, и Гете очень мило выразился о нихъ. «Женщины», сказалъ онъ, «серебряныя чаши, въ которыя мы кладемъ золотыя яблоки. Моя мысль о женщинахъ не есть абстракція явленій дѣйствительности, но возникла во мнѣ Богъ вѣсть какъ. Изображенные мною женскіе характеры, поэтому, всѣ удались; они всѣ лучше тѣхъ, какіе встрѣчаются въ дѣйствительности»²⁾.

Четвергъ, 23-го октября 1828.

Гете говорилъ сегодня съ большою похвалою о небольшой запискѣ канцлера, имѣющей предметомъ великаго герцога Карла-Августа; въ ней сдѣланъ

¹⁾ Ср. Часть I, стр. 333 и слѣд.

²⁾ Ср. Часть I, стр. 101, текстъ и примѣч. 2.

краткій очеркъ богатой дѣлами жизни этого замѣчательнаго государя.

«Это небольшое сочиненіе, дѣйствительно, очень удачно», сказалъ Гете; «матеріаль собранъ съ большою осмотрительностью и прилежаніемъ, и все оживлено дыханіемъ самой искренней любви; изложеніе до того сжато и кратко, что фактъ слѣдуетъ за фактомъ, и, при видѣ такой полноты жизни и дѣлъ, васъ точно охватываетъ умственное головокруженіе. Канцлеръ послалъ свою записку въ Берлинъ и оттуда недавно получилъ въ высшей степени замѣчательное письмо отъ Александра фонъ-Гумбольдта, котораго нельзя читать безъ глубокаго волненія. Гумбольдтъ былъ очень друженъ съ великимъ герцогомъ въ теченіе всей его долгой жизни; этому нечего удивляться, потому что богатоодаренная, глубокая натура герцога постоянно жаждала новыхъ знаній, а Гумбольдтъ именно такой человѣкъ, который, при своей великой универсальности, всегда былъ готовъ дать лучшій и основательнѣйшій отвѣтъ на каждый вопросъ. И весьма знаменательно, что великій герцогъ провелъ послѣдніе дни своей жизни именно въ Берлинѣ, почти постоянно въ обществѣ Гумбольдта, и такимъ образомъ до конца могъ пользоваться объясненіями своего друга; сверхъ того, чувствуется высшее благопріятное вліяніе и въ томъ, что свидѣтелемъ послѣднихъ дней одного изъ величайшихъ государей, какіе когда либо были въ Германіи, былъ такой человѣкъ, какъ Гумбольдтъ. Я получилъ копію съ письма, и прочту вамъ кое что».

Гете всталъ и подошелъ къ конторкѣ; взявъ письмо, онъ сѣлъ снова подлѣ меня у стола. Нѣкоторое время онъ читалъ про себя; у него въ глазахъ стояли слезы. «Нѣтъ, прочтите про себя», сказалъ онъ, по-

давая мнѣ письмо. Онъ всталъ и, пока я читалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Гумбольдтъ писалъ:

«Кто больше моего могъ быть пораженъ быстрой кончиной отшедшаго отъ насъ! Онъ тридцать лѣтъ относился ко мнѣ съ особой благосклонностью, и даже, смѣю сказать, съ искреннимъ предпочтеніемъ. И здѣсь онъ желалъ, чтобы я постоянно былъ съ нимъ; и подобно тому, какъ свѣтозарность высокихъ покрытыхъ снѣгомъ Альпъ служить предвѣстникомъ померкающаго свѣта, такъ и я никогда не видѣлъ великаго и человѣчнаго монарха столь оживленнымъ, остроумнымъ, кроткимъ и столь принимающимъ участіе въ дальнѣйшемъ развитіи народной жизни, какъ въ эти послѣдніе дни, которые онъ провелъ съ нами.

«Полный предчувствія и тоски, я нѣсколько разъ повторялъ друзьямъ, что мнѣ кажется опаснымъ явленіемъ такая оживленность, такая таинственная ясность ума при такой сильной тѣлесной слабости. Онъ самъ очевидно колебался между надеждой выздоровленія и ожиданіемъ великой катастрофы.

«Когда я, за сутки до кончины, завтракалъ съ нимъ, онъ былъ уже боленъ и не чувствовалъ аппетита, но еще съ живостью спрашивалъ о доставленныхъ сюда съ прибалтійскихъ береговъ Швеціи гранитныхъ валунахъ; о томъ, могутъ ли кометные хвосты возмутить нашу атмосферу, о причинѣ сильныхъ зимнихъ холодовъ на всѣхъ восточныхъ берегахъ.

«При послѣднемъ свиданіи, пожавъ мнѣ на прощаніе руку, онъ весело сказалъ: «Думаете ли вы, Гумбольдтъ, что теплицкіе и другіе теплые ключи нѣчто вродѣ воды, нагрѣтой искусственно? Нѣтъ, это не кухонный огонь! Мы поспоримъ объ этомъ

въ Теплицѣ, когда вы приѣдете туда съ королемъ. Вы увидите, что вашъ старый кухонный огонь еще разъ поправитъ меня». Странно! потому что все имѣетъ значеніе въ устахъ такого человѣка.

«Въ Потсдамѣ я просидѣлъ съ нимъ на канapé много часовъ на единѣ; онъ попеременно пилъ и засыпалъ, опять пилъ, вставалъ, чтобъ написать супругѣ, и опять засыпалъ. Въ промежуткахъ онъ задавалъ мнѣ труднѣйшіе вопросы по физикѣ, астрономіи, метеорологіи и геогнозіи; о прозрачности кометныхъ ядеръ, о лунной атмосферѣ, о цвѣтныхъ двойныхъ звѣздахъ, о вліяніи солнечныхъ пятенъ на температуру, о появленіи органическихъ формъ въ первичномъ мірѣ, о внутренней теплотѣ земли. Онъ засыпалъ посреди моихъ и своихъ рѣчей, часто становился безпокоенъ, и тогда, кротко и дружески прося извиненія за свою кажущуюся невнимательность, онъ приговаривалъ: «Видите, Гумбольдтъ, со мной ужъ все кончено».

«Разъ онъ вдругъ перескочилъ въ разговорѣ на религіозные предметы. Онъ жаловался на усиленіе піетизма, и на связь этого сумасбродства съ политической тенденціей къ абсолютизму и подавленію всякой свободной мысли. «Эти притворщики», вскричалъ онъ, «думаютъ чрезъ это угодить государямъ, чтобъ получать мѣста и ленты! Они прокрались вмѣстѣ съ поэтическимъ предпочтеніемъ среднихъ вѣковъ».

«Вскорѣ гнѣвъ его улегся, и онъ сказалъ, какъ много утѣшенія находитъ онъ теперь въ христіанской религіи. «Это человѣколюбивое ученіе», сказалъ онъ; «но его исказили съ самаго начала. Первые христіане были вольнодумцами между крайними».

Я сказалъ Гете, что это великолѣпное письмо доставило мнѣ сердечное удовольствіе.

— Вы видите, какой онъ былъ замѣчательный человѣкъ, сказалъ Гете.—Но какъ умно сдѣлалъ Гумбольдтъ, что схватилъ эти немногія послѣднія черты, которыя по истинѣ можно признать символомъ, отразившимъ въ себѣ всю натуру этого превосходнаго государя. Да, таковъ онъ былъ! Я могу сказать это больше, чѣмъ кто либо другой, потому что никто въ сущности не зналъ его лучше моего. Но не горе ли, что не существуетъ никакой разницы, и что и такой человѣкъ долженъ былъ такъ рано отправиться туда? Еще какое нибудь столѣтіе, и на какую высоту поднялъ бы онъ свой вѣкъ.—Но знаете ли что? Міръ вовсе не такъ торопится къ цѣли, какъ мы полагаемъ и желаемъ. Всегда найдутся замедляющіе ходъ демоны, которые всюду суются и всюду противодѣйствуютъ, такъ что все вообще идетъ впередъ, но только очень медленно. Поживете еще, и увидите, что я правъ.

— Развитіе человѣчества, повидимому, расчислено на тысячи лѣтъ, сказалъ я.

— Кто знаетъ, можетъ быть на милліоны! Но, сколько бы ни жило человѣчество, никогда не будетъ недостатка ни въ препятствіяхъ, которыя будутъ затруднять его, ни во всяческихъ бѣдствіяхъ, при помощи коихъ оно развиваетъ свои силы. Мы станемъ умнѣе и проникательнѣе, но не станемъ лучше счастливѣе и энергичнѣе, развѣ только по временамъ. Я предвижу время, когда человѣчество не будетъ доставлять никакого удовольствія Богу, и онъ снова все разрушитъ ради обновленія творенія. Я увѣренъ, что все расчислено именно на это, и въ далекомъ будущемъ уже назначены и время,

и часть, когда настанетъ эта эпоха обновленія. Но до этого, навѣрное, еще очень далеко, и мы еще тысячи и тысячи лѣтъ можемъ забавляться, какъ намъ угодно, на этой милой и старой поверхности.

Гете былъ въ хорошемъ, возвышенномъ настроеніи. Онъ приказалъ подать бутылку вина, и налилъ себѣ и мнѣ. Разговоръ возвратился къ великому герцогу, Карлу Августу.

— Вы видите, что его необыкновенный умъ обнималъ всю природу, сказалъ Гете.—Физика, астрономія, геогнозія, метеорологія, растительныя и животныя формы, первичный міръ,—все онъ понималъ, всѣмъ интересовался. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда я пріѣхалъ въ Веймаръ, но и тогда уже по зародышамъ и почкамъ можно было судить, какое выростетъ дерево. Онъ вскорѣ сблизился со мною самымъ интимнымъ образомъ, и принималъ глубокое участіе во всѣхъ моихъ стремленіяхъ. Что я былъ на десять лѣтъ старше его, только помогло нашимъ отношеніямъ. Цѣлые вечера онъ просиживалъ у меня, и у насъ шли глубокія бесѣды о природѣ, искусствѣ и другихъ хорошихъ вещахъ. Мы часто засиживались до глубокой ночи, и не рѣдко засыпали другъ подлѣ друга на софѣ. Такъ мы прожили вмѣстѣ пятьдесятъ лѣтъ, и не мудрено, что наконецъ кой чего и достигли.

— Такое основательное образованіе, какимъ, по видимому, обладалъ великій герцогъ, вѣроятно, рѣдко встрѣчается у особъ царствующихъ домовъ? спросилъ я.

— Очень рѣдко. Правда, многія изъ нихъ способны весьма искусно поговорить обо всемъ; но внутри у нихъ нѣтъ ничего, и они скользятъ только по поверхности. И тутъ нѣтъ ничего мудренаго, если

принять въ соображеніе тѣ ужасныя развлеченія и разсѣянія, которыя неразлучны съ придворной жизнью и которымъ подвергаются молодые принцы. Онъ долженъ имѣть обо всемъ понятіе. Ему слѣдуетъ знать немножко этого, и крошечку того, и еще немножечко этого, и еще крошечку того. Но при этомъ ни съ чѣмъ нельзя освоиться, ничто не можетъ пустить корни, и нужна сильная натура, чтобъ, при такихъ требованіяхъ, не улечься совсѣмъ. Великій герцогъ былъ, конечно, прирожденный великій человѣкъ, и этимъ все сказано и подписано.

— При всѣхъ его высокихъ научныхъ и духовныхъ стремленіяхъ, онъ, по видимому, понималъ и дѣло правленія, замѣтилъ я.

— Онъ былъ вполне человѣкъ, и все въ немъ проистекало изъ одного великаго источника. И, какъ прекрасно было цѣлое, такъ хороши были и отдѣльныя части; онъ могъ дѣлать и требовать, что угодно. Сверхъ того, въ дѣлѣ правленія ему помогали три вещи. Онъ обладалъ даромъ различать умы и характеры, и каждого ставить на его мѣсто. Это очень много. Сверхъ того, онъ обладалъ еще однимъ качествомъ, которое также много значило, а можетъ быть еще больше: онъ былъ одушевленъ благороднѣйшимъ благоволеніемъ, чистѣйшей любовью къ людямъ, и отъ всей души желалъ только лучшаго. Онъ всегда сначала думалъ о благѣ государства, и уже послѣ всего, и то немного, о самомъ себѣ. Идти на встрѣчу благороднымъ людямъ, помогать исполненію хорошихъ намѣреній—на это рука его всегда была открыта и щедра. Въ немъ было много божественнаго. Онъ могъ бы осчастливить все человѣчество. Любовь родитъ любовь, а кто любимъ, тому легко царствовать. И въ третьихъ:

онъ былъ выше окружающихъ. Сверхъ десяти годовъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ подавали совѣтъ, у него былъ одиннадцатый, и лучше всѣхъ: то былъ его собственный. Нашептыванія со стороны онъ пропускалъ мимо ушей, и не легко было заставить его сдѣлать что нибудь, не достойное государя; напримѣръ, отставить заслуженнаго человѣка, котораго выставляли двусмысленнымъ, или оказать покровительство рекомендованному негодяю. Онъ всюду глядѣлъ самъ, судилъ самъ, и во всѣхъ случаяхъ чувствовалъ въ самомъ себѣ вѣрнѣйшую опору. Притомъ, онъ былъ молчаливъ по природѣ, и у него за словомъ слѣдовало дѣло.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ я,—что я зналъ его только по наружности; но все же онъ произвелъ на меня большое впечатлѣніе. Я какъ теперь его вижу на старыхъ «дрожкахъ», въ изношенномъ сѣромъ плащѣ и военной фуражкѣ, съ сигарой во рту, какъ онъ ѣздилъ на охоту, окруженный любимыми собаками. Я не видѣлъ, чтобъ онъ ѣздилъ на чемъ нибудь, кромѣ этихъ неприглядныхъ старыхъ «дрожекъ», и не иначе, какъ парой. Упряжь въ шесть лошадей и парадный мундиръ со звѣздами, кажется, были ему не по вкусу.

— Теперь все это почти вышло изъ моды у государей, отвѣчалъ Гете.—Теперь вопросъ въ томъ, кто сколько вѣситъ на вѣсахъ человѣчества; все остальное суета. Мундиръ со звѣздой и карета шестерней теперь кажутся чѣмъ-то важнымъ только самой грубой черни, да и то!.. А старые «дрожки» великаго герцога едва держались на рессорахъ. Кто ѣздилъ съ нимъ, тому приходилось терпѣть такіе подлые толчки... Но это шло къ нему. Онъ

любилъ все твердое и безпокойное, онъ былъ врагомъ всего разслабляющаго.

— Слѣды всего этого замѣтны уже въ вашемъ стихотвореніи *Ильменау*, гдѣ, по видимому, вы нарисовали его съ натуры.

— Онъ былъ тогда еще очень молодъ, и мы тогда, конечно, нѣсколько дурили. Тò было благородное вино, но еще въ состояніи сильнаго броженія. Мы не знали, куда дѣться съ силой, и часто были готовы сломить себѣ шею. Летѣть во всю мочь на лошадяхъ черезъ изгороди, канавы и рѣчки, цѣлый день съ горы на гору, а ночью стать лагеремъ подъ открытомъ небомъ, у костра въ лѣсу,—вотъ что онъ любилъ. Быть наслѣдникомъ престола,—для него ничего не значило; вотъ если бъ его можно было добыть съ большимъ трудомъ, или взять приступомъ, — это ему было бы по душѣ. — Въ *Ильменау* изображена эпоха, которая миновала нѣсколько лѣтъ назадъ; уже въ 1783 г., когда я написалъ это стихотвореніе, въ немъ я самого себя могъ уже рисовать, какъ историческое лицо, и разговаривать съ моимъ собственнымъ я былыхъ годовъ. Тамъ, какъ вы знаете, есть ночная сцена послѣ такой же головоломной охоты въ горахъ. Мы построили себѣ у подошвы скалы шалаши и покрыли ихъ сосновыми вѣтвями, чтобъ переночевать на сухой почвѣ. Передъ шалашами были разложены костры, и мы варили и жарили на нихъ добычу. Кнебель, у котораго и тогда не простывала трубка, сидѣлъ близъ костра и оживлялъ общество сухими шутками, а бутылка переходила изъ рукъ въ руки. Зекендорфъ, стройный, съ длинными и тонкими конечностями, удобно растягивался у дерева и напѣвалъ, что пришлось. Въ сторонѣ, въ такомъ же шалашикѣ,

герцога спать глубокимъ сномъ. Я самъ сидѣлъ передъ шалашомъ, у тлѣющихъ углей, и тяжелыя думы бродили у меня въ головѣ, и я раздумывалъ о томъ злѣ, какое могли принести мои сочиненія. Мнѣ и теперь думается, что Кнебель и Зекендорфъ не дурно очерчены, а равно мрачная буйность двадцатилѣтняго принца.

Пытливость вдаль его манить,—
Пусть ненадеженъ мостъ и горы круты!
Тоска его повсюду сторожить

И носить онъ ея мучительныя пути.

И мчится онъ безъ цѣли, самъ не свой,
Въ болѣзненномъ, чрезмѣрномъ напряженіи,—

И безпокойною измученный гоньбой

Онъ безпокоенъ въ часъ отдохновенія.

Разнузданъ и угрюмо дикъ,

Онъ въ дни веселья радости не знаетъ...

Но вотъ, разбить душой и тѣломъ, онъ затихъ

И, гдѣ придется, засыпаетъ.

Такъ оно точно и было; тутъ ни одна черта не преувеличена. Но принцъ скоро отдѣлался отъ этого періода бурь и порывовъ, и перешелъ къ благодѣтельной ясности мысли; такъ что въ 1783 году, въ день его рожденія, я уже могъ напомнить ему его былой образъ. Не скрою, въ началѣ онъ причинялъ мнѣ много горя и заботъ. Но его превосходная натура мало по малу очищалась и становилась лучше, и для меня ужъ стало наслажденіемъ жить и работать съ нимъ.

— Вы вмѣстѣ съ нимъ путешествовали въ то время по Швейцаріи, замѣтилъ я.

— Онъ очень любилъ путешествія, но вовсе не ради того, чтобъ позабавиться и разсѣяться; у него постоянно были открыты и уши, и глаза; онъ замѣчалъ все доброе и полезное, что можно было

примѣнить въ своемъ отечествѣ. Земледѣліе, скотоводство и промышленность, такимъ образомъ, безконечно обязаны ему своимъ развитіемъ. Главное же, въ его стремленіяхъ не было ничего личного, эгоистическаго; всѣ они были прямо продуктивнаго свойства, и притомъ продуктивны для общаго блага. Оттого онъ и составилъ имя, которое стало громко далеко за предѣлами его маленькаго владѣнія.

— Его безпечная, простая внѣшность, повидимому, указываетъ на то, что онъ не искалъ славы и не придавалъ ей особеннаго значенія. Кажется, что онъ прославился безо всякаго старанія съ своей стороны, а просто въ силу своей тихой дѣловитости.

— Слава странная вещь, отвѣчалъ Гете.— Дерево горитъ потому, что въ немъ есть матерьялъ для горѣнія, и человѣкъ становится славенъ, когда въ немъ имѣется матерьялъ для славы. Славы сыскать нельзя, и погоня за ней—суета. Правда, всякій, при помощи ловкаго обхожденія съ людьми и разныхъ искусственныхъ средствъ, можетъ составить себѣ нѣкоторое имя; но, если въ немъ нѣтъ внутренняго драгоцѣннаго зерна, то все окажется суетой и не продержится до завтра. Точно то же и относительно народной любви. Онъ ея не искалъ, и не угождалъ людямъ; но народъ его любилъ, потому что чувствовалъ, какъ сердечно онъ самъ расположенъ къ нему.

Гете затѣмъ сталъ оцѣнивать другихъ членовъ великогерцогскаго дома, и замѣтилъ, что у всѣхъ ихъ есть черта благороднаго характера. Онъ говорилъ о сердечной добротѣ нынѣшняго государя¹⁾, о большихъ надеждахъ, которыя подаетъ молодой принцъ, и съ видимой любовью распространился о

¹⁾ Карль-Фридрихъ † 1835.

рѣдкихъ качествахъ нынѣ царствующей великой княгини²⁾), которая въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова прилагаетъ всѣ средства, чтобъ всюду утишить страданія и способствовать проростанію добрыхъ зачатковъ.

— Она съ самаго начала стала добрымъ ангеломъ для страны, сказалъ онъ,—и, чѣмъ больше чувствовала себя связанной съ новымъ отечествомъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживала это свойство. Я знаю великую герцогиню съ 1805 г., и у меня было множество случаевъ удивляться ея уму и характеру. Она одна изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ женщинъ нашего времени, и была бы ею, не будь даже великой княгиней. Въ томъ-то и дѣло, чтобъ у человека, когда съ него снимется пурпуръ, оставалось еще много хорошаго, даже самое лучшее.

Мы затѣмъ говорили о единствѣ Германіи, и въ какомъ смыслѣ оно возможно и желательно.

— Меня не тяготитъ мысль, что Германія не станетъ единой, сказалъ Гете;—наши шоссе и будущія желѣзныя дороги сдѣлаютъ свое дѣло. Но раньше всего пусть у насъ заведется взаимная любовь, и да будемъ мы едины противъ внѣшняго врага. Да будемъ мы едины въ томъ, чтобъ талеръ и грошъ имѣли одинаковую цѣнность во всей имперіи; въ томъ, чтобъ мой чемоданъ проѣзжалъ неоткрытымъ черезъ всѣ тридцать шесть государствъ. Да будетъ единство въ томъ, чтобъ городской паспортъ веймарскаго бюргера не считался пограничнымъ чиновникомъ большого сосѣдняго государства негоднымъ, въ качествѣ иностраннаго. Пусть не будетъ и рѣчи

²⁾ Маріи Павловны, род. 1786, † 1859. Ей-то Эккерманнъ и посвятилъ *Разговоры Гете*.

во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ о внутреннемъ и заграничномъ, пусть Германія будетъ единой носителемъ мѣръ и вѣса, торговли и обмѣна товаровъ, и сотни подобныхъ вещей, которыхъ я и называть не съумѣю. Но ошибочно думать, что единство Германіи должно состоять въ томъ, чтобъ въ одной обширной имперіи была одна обширная резиденція, и что эта единственная столица станетъ способствовать благосостоянію и развитію отдѣльныхъ большихъ талантовъ и благоденствію большихъ массъ. Государство охотно сравниваютъ съ живымъ тѣломъ со многими членами, а резиденцію охотно же сравниваютъ съ сердцемъ, изъ котораго истекаетъ жизнь и благоденствіе въ отдѣльные, ближайшіе и отдаленнѣйшіе, члены. Но, если члены слишкомъ удалены отъ сердца, то жизнь будетъ притекать туда слабо, и чѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе. Одинъ умный французъ, если не ошибаюсь—Дюпэнъ, составилъ карту образованности во Франціи, и обозначилъ на ней большую или меньшую образованность различныхъ департаментовъ болѣе свѣтлыми или темными цвѣтами. На ней, особенно южныя, далеко отстоящія отъ резиденціи, провинціи обозначены совершенно черной краской, въ знакъ господствующаго тамъ мрака. Было ли бы нѣчто подобное, еслибъ въ прекрасной Франціи вмѣсто *одного* большого центра было ихъ *десять*, и изъ всѣхъ ихъ исходили свѣтъ и жизнь? Чѣмъ велика Германія, какъ не замѣчательнымъ народнымъ образованіемъ, которое равномерно проникаетъ во всѣ части имперіи? Но развѣ оно исходитъ не изъ отдѣльныхъ столицъ; развѣ не онѣ являются его носительницами и попечительницами? Предположимъ, что у насъ въ Германіи уже столѣтія существовали бы только двѣ

столицы Вѣна и Берлинъ, или даже всего одна,—желалъ бы я знать, что тогда стало бы съ нѣмецкой культурой, а равно со всюду распространеннымъ образованіемъ, которое идетъ рука объ руку съ культурой. Въ Германіи двадцать распределенныхъ по всей имперіи университетовъ и свыше ста также всюду разсѣянныхъ публичныхъ библиотекъ, и большое число художественныхъ собраній, а равно собраній предметовъ всѣхъ царствъ природы; потому что всякій государь заботился о томъ, чтобы имѣть вблизи себя собраніе прекрасныхъ и полезныхъ предметовъ. Имѣется множество гимназій и техническихъ и промышленныхъ училищъ; врядъ ли найдется нѣмецкая деревня безъ школы. А что сдѣлано во Франціи относительно послѣдняго пункта? А затѣмъ множество нѣмецкихъ театровъ, число которыхъ превышаетъ семьдесятъ; ими также нельзя пренебрегать, какъ носителями и споспѣшниками высшаго народнаго образованія. Музыкальное и пѣвческое чувство, и исполненіе музыки, также нигдѣ такъ не распространены, какъ въ Германіи, а это тоже что нибудь да значить! Вспомните только о такихъ городахъ, какъ Дрезденъ, Мюнхенъ, Штутгартъ, Кассель, Брауншвейгъ, Ганноверъ и тому подобныя; подумайте о великихъ жизненныхъ элементахъ, которые заключаются въ этихъ городахъ; подумайте о томъ вліяніи, которое они оказываютъ на сосѣднія провинціи, и спросите себя: было ли бы нѣчто подобное, еслибъ эти города не были съ долгаго времени столицами государей? Франкфуртъ, Бременъ, Гамбургъ, Любекъ велики и процвѣтаютъ, и ихъ вліяніе на благосостояніе Германіи нельзя не принимать въ расчетъ; но развѣ они были бы тѣмъ, что есть, еслибъ лишились своей политической са-

мостоятельности, и были бы включены, въ качествѣ провинціальныхъ городовъ, въ составъ большой германской имперіи? У меня есть причины въ томъ сомнѣваться ¹⁾).

Вторникъ, 18-го ноября 1828.

Гете говорилъ о новой статьѣ въ *Edinburgh Review*. «Нельзя не порадоваться», сказалъ онъ, «видя, до какой высоты и дѣловитости возвысились нынѣшніе англійскіе критики. Отъ прежняго педанства не осталось и слѣда; его замѣнили великія качества. Въ послѣднемъ номерѣ, въ статьѣ о нѣмецкой литературѣ, высказано слѣдующее мнѣніе: «Между поэтами есть люди, склонные постоянно возиться съ такими вещами, которыя другіе гонятъ изъ своей головы». Ну, что вы скажете? Мы теперь прямо знаемъ, въ чемъ дѣло, и знаемъ также, куда причислить большинство нашихъ новѣйшихъ литераторовъ».

* Среда, 3-го декабря 1828.

Сегодня мы съ Гете разыграли слѣдующую милую шутку въ особомъ родѣ. Г-жа Дюваль въ Картины, въ кантонѣ Женева, приготовляетъ весьма искусно конфеты; она прислала, какъ образцы своего искусства, цедру, въ подарокъ великой герцогинѣ и Гете, въ полномъ убѣжденіи, что ея конфеты такъ же далеко превосходятъ всякія другія, какъ стихи Гете произведенія другихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Старшей дочери этой дамы уже давно хотѣлось имѣть какой нибудь манускриптъ Гете; мнѣ, поэтому, пришло въ голову воспользоваться цедрами, какъ

¹⁾ Ср. Часть I, стр. 344 и слѣд.

сладкой приманкой, чтобы добыть отъ Гете какіе нибудь стихи для моего молодого друга.

Я вошелъ къ нему съ миной озабоченнаго важнымъ дѣломъ дипломата, и сталъ сноситься съ нимъ, какъ держава съ державой, причемъ я, взаи́мнѣ подносимыхъ цедратъ, требовалъ оригинальнаго собственноручнаго стихотворенія. Шутка понравилась Гете, онъ расхохотался, и тотчасъ потребовалъ цедраты, и нашелъ что они превосходны. Я былъ не мало удивленъ, когда черезъ нѣсколько часовъ получилъ слѣдующее стихотвореніе, какъ подарокъ на святки для моего молодого друга:

Счастливъ край, откуда щедро
Шлють варенье намъ изъ цедры,
И гдѣ женское искусство,
Услаждая наше чувство, и т. д.

Когда мы вновь увидѣлись, то Гете шутя сказалъ, что теперь онъ въ состояніи извлекать выгоду изъ своего поэтическаго ремесла, между тѣмъ какъ въ юности не могъ найти издателя для своего *Гетца*.

«Я одобряю нашъ торговый договоръ», сказалъ онъ; «когда цедраты выйдутъ, не забудьте заказать новыхъ, и я исправно заплачу за нихъ поэтическимъ векселемъ».

Вторникъ, 16-го декабря 1828.

Мы обѣдали сегодня вдвоемъ съ Гете въ его кабинетѣ; говорили о литературѣ.

— Нѣмцы, сказалъ онъ, — никакъ не могутъ избавиться отъ филистерства. Они теперь спорятъ и дерутся изъ-за различныхъ двустийшій, напечатанныхъ и у Шиллера, и у меня; они думаютъ, что важно опредѣлить какія именно принадлежатъ мнѣ,

и которыя Шиллеру. Точно изъ этого что нибудь выйдетъ, точно это принесетъ какую-нибудь пользу, и какъ будто недостаточно того, что они существуютъ. Такіе друзья, какъ я съ Шиллеромъ, при долготѣтней связи, при одинаковыхъ интересахъ, при ежедневныхъ сношеніяхъ и взаимномъ обмѣнѣ мыслей, — да мы такъ срослись другъ съ другомъ, что относительно отдѣльныхъ мыслей не можетъ быть ни рѣчи, ни вопроса, кому которая принадлежитъ. Мы много двухстишіи написали сообща; часто мысль моя, а стихи Шиллера; часто случалось на оборотъ, или же Шиллеръ писалъ стихи, а я другой. Какъ тутъ говорить о моемъ и твоёмъ! Нужно черезъ чуръ загрязннуть въ филистерствѣ, чтобъ придавать какую-либо важность разясненію подобныхъ сомнѣній.

— Подобное, замѣтилъ я, — часто случается въ литературномъ мірѣ, напримѣръ, когда заявляется сомнѣніе въ оригинальности того или иного знаменитаго человѣка и начинается отыскиваніе источниковъ, изъ коихъ онъ заимствовалъ свое образованіе.

— Все это очень смѣшно; съ такимъ же правомъ можно было бы спрашивать у хорошоупитаннаго человѣка о быкахъ, баранахъ и свиньяхъ, которыхъ онъ съѣлъ и у которыхъ заимствовалъ силу. Конечно, способности даны намъ отъ природы, но своимъ развитіемъ мы обязаны тысячѣ вліяній обширнаго міра, откуда усвояемъ себѣ то, что можемъ и что намъ подходитъ. Я многимъ обязанъ грекамъ и французамъ; я безконечно обязанъ Шекспиру, Стерну и Гольдшмидту. Но этимъ еще не исчерпываются источники моего образованія; они безконечны, да и зачѣмъ ихъ указывать? Главное въ томъ, чтобъ имѣлась душа, любящая правду и берущая